

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Novembre 1935

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNEE

25 НОЯБРЯ 1935 г.

187

25 ЛИСТОПАДА 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

Fl. Jinton

С о д е р ж а н и е :

1. **І. К. Скубані:** Шлях до волі.
2. **Іван Назаров:** «Чортов случай».
3. **Іван Подонский:** Славен Дон.
4. **І. Билый:** Некоторые поучения «ноябрьских» дней.
5. Трагедія Казачества.
6. **Николай Посохов:** Путиами предков.
7. **Ф. Штовханъ:** Годовщина.
8. **Чужинец:** Плеханов на Дону и воззвание Луганских казаков к братьям казакам (1878).
9. **А. Ленивов:** Чужная эпидемия в ст. Ветлянинской в 1878-1879 г.г.
10. Казачья эмиграция.
11. Несколько цитат без комментарий.

П о ч т о в ы й я щ и к :

Бельгия. Н. Б. Будет помещено в следующем номере. Привет.

Виши. С. Ч. Испотнено. Ответ — письмом. Привет.

Тулуза. Д. С. Адреса Обол. не знаем. Привет всем.

Жиронд. Г. Е. Получено. Вышлем. Привет.

Крезю. Г. Ф. Будет напечатано. Привет.

Кральево. И. Н. Получено. Ответ --- письмом. Привет.

Вивье. Ф. К. Получено. Спасибо. Привет.

Колонбье. Н. В. Получено. Привет.

Лестель. В. Ч. Можно дослать марками. Привет.

Лиль. В. Б. Хорошо. Привет.

Тулуза. С. Ш. Получено. Привет.

Ганновер. П. Л. Ответ будет письмом. Привет.

К а з а к и - в н и м а н и е !

Международные события привлекают к себе и казачье внимание. Перед каждым казаком встает вопрос: а не коснутся ли ближайшие «внешние события» и нашего вопроса. Не в одной душе рождаются надежды...

КОГДА ЖЕ И ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ КАЗАКИ МОГУТ ВОЗЛАГАТЬ НА «ВНЕШНИЕ СОБЫТИЯ СВОИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НАДЕЖДЫ?

На эти вопросы ответит

ПОХОДНЫЙ АТАМАН ВК ИНЖ. И. А. БИЛЫЙ

на собрании, устраиваемом Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицей, в докладе на тему: **ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДОНА И КУБАНИ В 1917-1920 ГОДАХ и**

ЗАДАЧИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАЧЕСТВА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Собрание состоится в воскресенье 1 декабря, в 2 1/2 часа дня, в помещении кафе 27, Ля Тур Мобург (Метро Ля Тур Мобург).

ВХОД СВОБОДНЫЙ и для казаков, не состоящих в нашей станице.

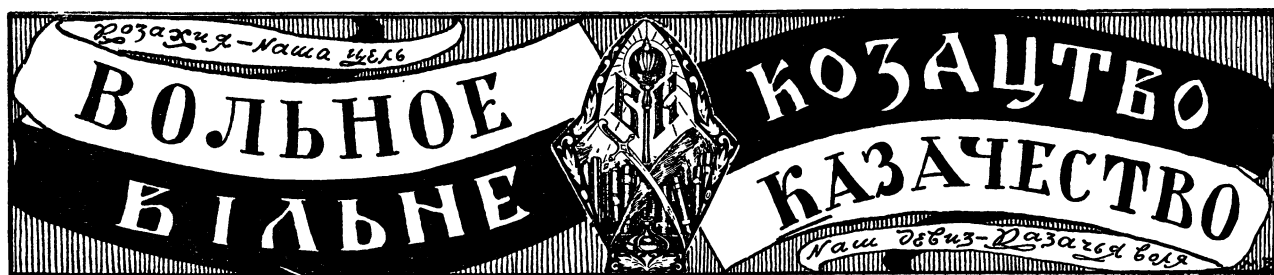
На покрытие расходов 1 франк, безработные — бесплатно.

ПРАВЛЕНИЕ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 187

Понедельник 25 ноября 1935. — Понеділок 25 листопада 1935.

№ 187

І. К. Скубані

Шлях до волі

По різних тернистих дорогах
Блукав я та правди шукав —
Душа все прохала у Бога.
Щоб Він мені путь указав.
Бували хвилини — здавалось,
Що я вже надібав на шлях —
Відкрилося те, що бажалось,
І щастя блищало в очах...
Та ледве година минає —
Дорога звертає кудись,
А хтось невідомий гукає:
«Козак, не туди!.. Схаменись!..»
І знову іду, бесталанний, —
Куди? — лише знає те Бог...

Кругом скрізь густі все тумани —
Не видно до правди дорог...
Коли — щось чорніє в долині...
Що бачу за кілька кроків? —
То стежка з моєї країни,
Де тягнеться степ козаків...
«Туди!» — щось неначе шептало,
«Там найдеш свій справжній покій!..» —
Непевности мов не було
І геть я закинув свій кій —
Тепер я вже більш не блукаю,
Відкрилася правда мені...
Вперед! — Нікуди не звертаю —
Лиш там сяють Волі вогні...

Иван Назаров

„Чортов случай“

Казак Михаил Дукмасов служил надзорником в партии рабочих при прокладке водопровода в маленьком сербском городке К. Это был среднего роста, отлично сложенный мужчина, уже перешедший расцвет своих лет, но еще красивый, здоровый и полный энергии, несмотря на то, что на войне имел два тяжелых ранения и несколько легких...

Все прошло и исчезло, как сон. Будто не было ни войн, ни его сорока трех лет, прожитых тревожно, тяжело и превратно; особенно тяжело здесь, в чужой стране, где тягостный, порой непосильный труд, пришел, как следствие безвозвратных утрат, с потерей родины и свободы.

Как простой рабочий, он убил девять каторжных лет, чтобы выбиться на более легкую службу и только теперь стал жить в лучших условиях. Меньше работал, больше получал и имел проблеск личной жизни, которой до того, за трудом и лишениями, не видел. Но и в этих проблесках, что в них было?!..

Угар бесшабашного разгула, с дешевым вином, с цыганской музыкой, с женщинами в грязной «кафане»... Веселье... шумное... порой дикое... и смешное, никогда не дававшее забвения... Тяжелое отрезвление приходило потом и еще сильнее болела душа по родине и утерянной в бесконечных степях дедовской воле

Последнее время, изверившись в вождах, он жил, как то особенно пусто и нудно... Именно своей бессодержательностью тяготила его жизнь и он насильно старался не думать о будущем, заглушая запросы духовных потребностей в их корне.

Порой становился как манекен: приходило время, по 12 часов стоял на работе, «как укопанный», на ветре, под дождем или в трескучие морозы... Приходил отдых — пил, часто вовсе без желания, будто насильно, с единственной целью убить нудное время. Эта же потребность влекла его и к женщинам, но, так же как и первая, тонула в бессмысленной обстановке... И тоже не давала забвения.

Как быть иначе, он не знал... И в последнее время как то все меньше стало беспокоить его отсутствие этого знания. Не раз замечал он так же, что в мутные, пасмурные и хмурые дни, когда потухали лучи и гасли краски, ему было легче. Он механически погружался в работу, как то отвлекался от тоски и не чувствовал внутренней боли... Но, в яркие дни, солнечные, полные блеска и света; веской, когда распускаются почки, журчат ручьи и первые гуси гогочут в небе; летом-ли, в июльские вечера, полные истомы и жаркой неги; осенью-ли, наконец, когда желтые золотые листья чуть дрожат в утреннем тумане, и на их позолоте играет осенний луч, еще как и в знойные мечтательные ночи, тоска с особой теплым, ласкающий и чуть печальный, — в такие дни, силой давила и жгла его душу. Простор родных степей звал его тогда с непобедимой силой и не было покоя нигде; безумно терзалось сердце и он бился бы в рыданиях, упав на землю, если б не был казаком с низовьев Тихого Дона.

Вот и сегодня редкий осенний день: воздух чист и как то особенно, как янтарь, прозрачен. Легкий туман с чуть розоватым отсветом, будто в покрывала из серебра одевает окрестные горы. Лучи солнца как то особенно радостно переливаются в облаках и не жгут, а нежно ласкают. Как легко дышится в такие дни, — но не тем, у кого родины нет, у кого кровные враги отняли отчизну!..

Вот почему и сегодня тоска, как вампир, впиалась в сердце Михаила и неумолчно слышит он зов туда, где такой же туман, с розоватым отсветом, упал в степях на бесконечном просторе и где жизнь могла бы быть такой красивой и вольной.

И в нем невольно зарождалась угрюмая потребность бросить все «это» надоевшее, нудное, чужое и броситься с головой в любое безумство, лишь бы оторваться от «этого» и хоть на час забыть...

Игрюмо, под влиянием такого настроения, Дукмасов ходил взад и вперед по шоссе и его мужественное лицо с серыми выразительными глазами и чуть изогнутым по орлиному носом, было мрачно. По шоссе в это время проходили мимо него группы «селянок», несая в город на продажу виноград и кокошек*). Среди них были не плохие бабы, на которых стоило не без греха посмотреть, но за тоской по родине Дукмасов их не видел. Как вдруг, будто под влиянием какой то внешней силы, взгляд его упал на одну из женщин. И глаз его вспыхнул. Так у тигра загораются глаза при виде приближающейся к его логову лани...

Эта женщина была цыганка, лет двадцати пяти, черная, как ночь, с зелеными, как у змеи, глазами. Пламенем горели эти глаза и как костер бросали искры. Черные, высокие брови окаймляли их и, как лезвия стрел, трепетали длинные ресницы. Свои правильные черты лица были в противоречие с ее игривой улыбкой на красных, как кровь, губах и блестящих красивых, чуть крупных, зубах. Сройная, гибкая фигура с высокой грудью и тонкой талией дополняла ее красоту и заставляла любоваться ею.

Проходя мимо Михаила, она воровским взглядом избалованной красавицы один только миг остановилась на нем... и прошла, бросив новый взгляд, один из тех, которыми женщины отличают своих избранников и в которых только они умеют читать их тайны...

Дукмасов был не из тех, кому повторяют такие взгляды. В тот же миг он инстинктивно понял, что сердце той женщины раскрыто для него и что он «должен» идти за нею. План интриги мелькнул в уме казака, как молния, и, будто влекомый какой то таинственной силой, он пошел за нею. В первом же переулке он догнал цыганку и подошел к ней.

— Стой! — сказал он тихо, но твердо.

Без удивления, она остановилась. Лукавая улыбка играла на коралловых губах ее и опять блестяще озаряя улыбку, зубы...

— Что хочешь?! — спросила женщина гордым голосом чуть грубо и чуть вызывающе.

— Хочу видеть тебя, — сказал Дукмасов, с той же долей грубости и простоты.

— Зачем? повторила вопрос цыганка.

— Чтобы любить тебя, — ответил казак прямо и решительно. Глаза его при этом впились в зеленые глаза цыганки и несколько мгновений их взгляды, как скрещенные шпаги, будто угрожали друг другу.

Один момент цыганка молчала, раздумывая о чем-то и будто что-то решая. Глаза ее при этом зажглись, как факелы; страсть дрожала в ресницах и на губах змеилась загадочная улыбка.

— Муж мой, — сказала она со вздохом, — он как дьявол, так и зовут его «Влайко Дьявол». Он убьет тебя, если увидит со мной.

— Тем лучше, — ответил казак с гордой усмешкой.

— А я, — продолжала цыганка с чуть заметной надменностью, — «Ямарь — Змеинный глаз» так зовут меня цыгане. Все говорят, что я приношу несчастье и все меня боятся, как огня.

— А я, — ответил Михаил без похвальбы с железной решимостью в голосе, — не боюсь ни мужа твоего, хотя он и дьявол, ни твоих змеинных глаз, ни всей красоты твоей, ибо не боюсь смерти.

— Никто не может не бояться смерти, — убежденно возразила цыганка и огни глаз ее в упор остановились на лице Михаила, будто испытующе и с удивлением.

— А я не боюсь, — снова повторил он с безумной смелостью и почувствовал какую то особую, дикую потребность на деле доказать это, хотя бы ценой самой страшной опасности. Так магически горела в нем страсть и так неудержимо влекли его к себе загадочные огни в глазах этой женщины. Поняла ли это цыганка, инстинктом ли женщины угадала, но она с особенным значением глянула в глубь его глаз и улыбнулась одной из тех улыбок, которые без слов открывают двери к самому сердцу.

— А имеешь ли деньги? — улыбаясь, спросила цыганка, с той особенной чисто цыганской простотой, которая заставляет забывать циничность вопроса.

— Много нет, но пятьсот динар для тебя имею, — ответил Дукмасов, так же просто и откровенно.

— Хорошо. Слушай, — сказала цыганка, смеясь и прищуривая глаза, точь в точь, как змея, выползая на свет из-под степного бурьяна. — В первый мрак, как только упадет первый мрак, ты жди меня там, где ты меня видел... Там внизу есть поток, нас никто не увидит.

— Жду, — сказал казак с затрепавшимся сердцем.

— Не забудь: в первый мрак, — повторила цыганка.

Страстная улыбка обожгла его, а она ушла, не оглянувшись.

Возбужденный, вернулся Дукмасов на работу. «Чертов случай», шептал он в молнении. Кто бы знал, что такая красавица упадет в мою жизнь, как звезда с неба. Вероятно, долго сам дьявол разбрасывал карты, чтобы додуматься до такой встречи.

За обедом он выпил вина больше, чем пил обычно, и, уходя на послеобеденную работу, зашел на квартиру и взял кинжал. Зачем он брал его? Дукмасов не отдавал себе отчета, но какой то внутренний голос настойчиво говорил ему, что это его новая тайга. Одна из тех, в которых кинжал является не лишним.

Думая об этом, Михаил презрительно улыбнулся, будто обвинял себя в трусости, и, сняв кинжал, вышел без него, но потом вернулся и взял его снова.

После обеда время шло с какой то особенно нудной тягучестью. Он часто вынимал часы и прислушиваясь к их ходу. Казалось, что время стало. Работ он как бы не видел, не обращал внимания и на рабочих. Все думал о ней, о красивой цыганке, и резко билось сердце в груди и томили жгучие предчувствия.

Работа кончилась в пять. В эти дни только в

*) кур.

шесть часов наступило то время, которое на цыганском языке определялось понятием первого мрака. Он попробовал ждать тут же на шоссе, но это не вязалось с требованиями скрытности, в которой, как ему казалось, кровно нуждалась его новая тайна.

Пошел в ближайшую кафану, потребовал вина и стал пить. Но это не помогало. Волнение страсти разрасталось в нем и нетерпение тем сильнее надрывало нервы. Через полчаса он вышел и стал ждать на шоссе. Мрак пришел, но в цыганском расчете, как думал Михаил, не приходит ли первый мрак сейчас же после второго. Чорт их знает!.. И, горя от нетерпения, он стал ждать, нервными шагами ходя по дороге. По шоссе в город шли запоздавшие рабочие. Из города возвращались группы селянок; некоторые подозрительно на него косились... А цыганки все не было...

Не кончится ли на этом мой «Чортів случай», думал Дукмасов с горькой иронией и досада становилась жгучей, как обида.

Если признаться, то он стал уже терять надежду встретить черную красавицу, как вдруг, будто из земли выросла она, появилась из-за тени окаймлявших шоссе деревьев.

Да, это она с ее горящими во мраке глазами, с ее улыбкой на кровавых губах, с ее гибкой под громадным платком фигурой.

— Иди за мной, — сказала она, не останавливаясь на ходу и быстро скользнула от шоссе к потоку.

Несколько минут они шли по склону вниз на расстоянии, будто не смея приблизиться друг к другу. Глазами тигра Михаил следил за силуэтом женщины, идущей впереди его, ни на миг не теряя ее из вида.

Так сошли они на дно потока. Контуры деревьев со всех сторон окружили их. Между ними чуть виднеются оголенные ветви кустарника. Под ногами вялая, осенняя трава и чуть шуршат упавшие с деревьев сухие листья.

— Мне страшно... Я боюсь, — задыхаясь от внутреннего волнения, шептала цыганка, бросившись в объятия Михаила, и жаркие, как огонь, поцелуи обожгли его губы.

Мрак черным саваном закрыл их от чужих взоров. Чуть шумел в кустах и будто шептался с кустарником холодный осенний ветер, а безумная страсть в двух горящих сердцах разгоралась пламенем...

Цыганка встала и, пугливо всматриваясь в жуткую темноту ночи, стала шептать какие то заклинания.

— Прощай, — сказала она и потом добавила: я боюсь! И, меняясь последним поцелуем, она стала прощаться.

Михаил не забыл зажать ей в руку 500 динар, но она с нежной улыбкой возвратила деньги и твердо сказала: Не надо, после; я хотела испытать тебя.

Еще один последний поцелуй, с обещанием встретиться через три дня, и она, скользнув из объятий Михаила, пошла вверх по чуть видной тропинке. Взглядом счастливого любовника Михаил провожал ее...

Вдруг, круто повернувшись, быстро, как серна, бросилась она назад и зашептала:

— Муж! Он убьет тебя.

— Не боюсь смерти, — гордо сказал Михаил и голос его будто зазвенел в дикой решимости.

— Убьет, беги! в ужасе, дрожащим голосом, говорила цыганка.

— Нет, — как отрезал, сказал казак с той же твердостью и железной отвагой. — Я не из тех, которые бегают...

Быстрым движением он выхватил кинжал из-за пояса. На один момент все звуки замерли и стало тихо вокруг, как в могиле. Лишь сердце, как молот, стучало в груди и будто кто-то кричал близко, у самого уха: Ага, я говорил, что нужен кинжал... Вот он и нужен, а ты думал, что нет. Кричащий громко рассмеялся и скрылся, а в тот же миг кто то тяжелыми скачками, как медведь, приближался к нему и сквозь разрезы ветвей в бегающих отблесках виднелась человеческая фигура. Еще момент и перед ним

вырос из тьмы громадный мужчина. Лезвие ножа зловеще сверкнуло в руке его и горящие, как уголь глаза впились в лицо Михаила. Насколько позволяла темнота, Михаил все же разглядел, что это цыган. Конечно, муж ее и, конечно, смертный противник.

«Чтож?! тем лучше»... Снова будто кто-то шептал из темноты... «Скорей кончится «все это».

Злоба дикая, безумная, смешанная с жуткой радостью, разливалась в душе казака и жажда кровавой борьбы будто огнем жгла сердце.

Без единого слова или окрика цыган взмахнул ножом над головой в знак смертельной угрозы и застыл в боевой готовности.

— «Правильно, — подумал Михаил. Не кричит, не выдает себя напрасной тревогой. Значит, ведет расчет убить наверняка и в тишине скрыться»...

«Молодец цыган!» снова выкрикнул тот же таинственный голос. «На чорта кричать, тем более в таком «чортовом случае!» И кричащий снова засмеялся. «Опять почему то это проклятое сравнение приходит мне на ум», сверкнуло в мыслях Михаила и какое то черное предчувствие, как разбуженная змея, шевельнулось и поползло глубоко в сердце...

Начался бой... Несколько первых секунд Михаил и цыган стояли друг против друга, как хищные звери, готовые к прыжку и ждущие момента. Впившись глазами в глаза, стояли они с вытянутыми вперед руками, в которых ножи будто улыбались друг другу, чуть не сходясь сверкающими лезвиями. В этой игре напряженного ожидания, цыган первый взмахнул ножом и страшный удар на высоте горла пронесся, как молния, перед Михаилом, лишь потому, что он во время отклонился. В тот же момент короткий удар упал в плечо цыгана... И вновь ножи замерли, в ожидании, друг против друга. Первая кровь. Это, конечно, не был один из тех ударов, которые ведут к победе, но один из тех, что вырывают самообладание противника. Только этот расчет и заставил Михаила не пропустить удар, как и расчет на то, что он доведет цыгана до ярости и тем легче будет «уложить» его, как быка, разъяренного красной тряпкой.

Несколько секунд противники стоят без движения будто в ожидании, что сам по себе придет момент нападения. Оба замерли в боевом порыве, оба с горящими, как у волков, глазами. Цыган стоит в просвете деревьев на горизонте. Его контур поэтому виден яснее, но зато движение боевой руки его затемняется и мешает парированию ударов.

— «Нужно переменить позицию», — сказал «неизвестный» из тьмы, и Михаил, как приказ, принял это решение.

Двумя прыжками в сторону он заставил цыгана повернуться два раза ему навстречу и занять его место. Цыганка все время, как тень, следила за Михаилом и дрожащим шопотом возбуждала его энергию.

— Убей его!.. Убей Черного Дьявола, — повторяла она в дикой злобе и скрежетала зубами. Таким же скрежетом зубов отвечал ей муж, но, очевидно, учитывая скрытность борьбы, не проронил ни слова.

И во второй раз цыган сделал нападение первым. Высоко над головой блеснул его нож в богатейшем размахе, с расчетом зарыться острием в сердце. Но не даром Михаил был одним из лучших бойцов на кинжалах в полку. Ударом из под локтя он парировал удар и нож скользнул мимо. Опять ножи сошлись. Опять грозят и улыбаются друг другу.

Ход боя в красоте его смертной опасности, как чарующая игра, стал захватывать Михаила.

— «Теперь я стану нападать. Держись цыганская морда», — подумал он с усмешкой и взмахнул кинжалом над головой в знак бравирования опасностью боя. Вслед затем он сделал ложный взмах. Цыган парировав удар, отвел кинжал в сторону. Пользуясь этим и учитывая выгоды позиции, Михаил переброшил кинжал в левую руку и нанес цыгану удар в грудь. Правда, боковой удар, чуть скользнувший в правую сторону. Это тоже не смертельный удар, но один из тех, которые близко подводят к смерти. Сам тоже получил ответный удар, но «оскользью», без размаха. Кровь течет. Михаил чувствует, как бегут и па-

дают ее горячие струйки. Но это пустяки. Рана в грудь у противника трижды оправдывает эту потерю.

«Теперь я, не теряя чувства боевого расчета, думал Михаил, несколько секунд жду тут же в тени, а потом удар... последний. Это тот «черкесский» удар из-под сердца сбоку, который знают только лучшие бойцы на Кавказе и который цыган узнает поздно»...

Он выждал, откашлялся для последнего выпада и поднял руку, как вдруг за спиной его раздался душераздирающий крик цыганки.

И в тот же момент за спиной Михаила выросла фигура другого цыгана с ножом в руке и оскаленными зубами. Тень смерти мелькнула в глазах Михаила, как молния, и упал в сердце зловещий ледяной ужас, но сила нервов старого бойца справилась и с

этим и, казалось, находила выход. Как раненый кабан он бросился к дереву, чтобы прижаться спиной и бороться с двумя, но было поздно. Предательский удар ножа впился под сердце. Жгучая боль на момент обожгла его и, отступаясь на подкосившихся ногах, он упал навзничь.

— «Все! Все!» — сорвалось с леденеющих уст...

Не хотел ли сказать он, в меркнувшем сознании невольно подводя итоги жизни, что кончилось «это все» — тяжелое, нудное, чужое, так долго тяготившее его истомившуюся по воле душу?!

— Это ли именно? — осталось его неразгаданной тайной и это его последнее «все» было все последнее, чем закончился «чортов случай»...

Иван Подонский

СЛАВЕН ДОН...

Знают многие край наш родной
С древним кратким названием Д о н
И реку с тихой, плавной волной,
И оружия нашего звон...

Славны многим казачьи степи:
Великаны свободы в бою —
С гневом рвали московские цепи,
Умирая за волю свою,
За бескрайнее Дикое Поле,
За презрение к чуждой неволе...

Зацвела степь цветов всех цветами
И могилами их, и крестами
Тех, кто смертью своею купили

То, чтобы вечно донцами мы были.

Льются золотом плавленным нивы,
Будто волны морские игривы,
И бегут в бесконечные дали
К окоему сереющей стали.
Низко гнется к земле винограда лоза;
Льются вина Цымлы, как слеза...
Все донское, все кровное наше,
На казачей крови все растет и цветет...
И расти и цвести оно будет...
И граница, пусть кровью, но ясно пройдет,
Потому что казак свою степь не забудет.

18-8-35 г.

И. Билый

Некоторые поучения „ноябрьских“ дней

(Слово, сказанное на заседании Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы 17 ноября, посвященном памяти шефа станицы).

Сегодня мы собрались почтить память своего шефа, почтить память мученической смертью погибшего казачьего патриота.

Алексей Иванович погиб по приговору русских...

Длинный список в казачьей истории таких мучеников — Атаманов и казаков. Большинство ярких казачьих патриотов не умерли своей смертью. Не будем перечислять сегодня их священных для всех нас имен, но, вспоминая Алексея Ивановича, вспомним и о них.

Создалась уже традиция:

Казачьи патриоты начинают казачье дело, но не кончают его. Враги Казачества всегда находят себе единомышленников и помощников среди казаков же и — убирают со своего пути казачьих вожakov, за сим следует проигрыш казачьего дела, а выигрывают всегда недруги Казачества.

Эту традицию надо нарушить раз навсегда. Надо совершить перелом. Надо уметь не только начинать, надо уметь и кончать начатое.

А для того, чтобы совершить этот перелом, надо не только хотеть этого, не только решить это, — надо всем нам хорошо и строго разобраться в том, что было и почему было... Надо поучиться у своего же казачьего прошлого.

В 1917-1920 годах на казачьих территориях столкнулись три, по существу — враждебные между собою, силы:

Россия «красная»,
Россия «белая» и
само Казачество.

Россия «красная» знала, чего она хочет, своих целей не скрывала, знала и называла открыто своих друзей и врагов.

Россия «белая» тоже знала, чего она хочет, но не о всех своих желаниях говорила вслух. Она не скрывала имени своих врагов, но предпочитала бороться с ними руками казаков и из временных своих попутчиков хотела сделать бойцов за свое дело, служителей своей «мечты».

Казачество тогда скорее знало то, чего оно не хотело, чем то, чего оно хотело. Раз'единенное по Войскам, политически не подготовленное, без яркой своей положительной программы, оно само разделилось тогда между тремя лагерями: часть пошла за русскими и не русскими «красными», часть — за «белыми» и только часть стала за свое казачье.

Эту казачью неподготовленность и эти казачьи несогласия очень хорошо использовали оба русских лагеря и били друг друга часто казачьими руками и казачьими головами.

Казачество не сумело во-время отделить себя и свое дело от обоих русских лагерей. Старались о том, прежде всего, свои же, пошедшие как за «красными», так и за «белыми». При таких условиях казаки выиграть своего дела не могли. И не выиграют в будущем, если будут делать так же.

Та часть Казачества, которая в прошлую борьбу была за свое, за казачье, понесла наибольшие жертвы, наибольшие потери от русских «красных» и от русских «белых».

А. И. Кулабухов погиб от русских «белых», но он погиб бы точно также и от «красных», если бы только к ним попал.

Много говорилось уже о смерти казачьего мученика, тем не менее, не все еще сказано. Все будет сказано лишь тогда, когда казачьи историки напишут полную и правдивую историю казачьих 1917-1920 годов...

Но — мы сами стоим перед событиями и наше недавнее прошлое — нам урок. Этот урок надо не забывать, надо его использовать, чтобы не повторять своих же ошибок.

Почему же погиб А. И. Кулабухов и чему учит нас его мученическая смерть?

Погиб он от руки русских «белых», от руки «союзников», убивших не только А. И. Кулабухова, но погубивших и все казачье дело. — Следовательно, не все было в порядке у Казачества на счет его союзников и друзей. И первое, чему учит нас смерть А. И. К., это — лучше выбирать себе в будущем союзников и друзей.

Алексей Иванович «формально» умер за подписание «договора дружбы» с горцами. Но как раз формального права и власти ген. Деникин и не имел над казачьим избранником, ибо Кубань формально ген. Деникину подчинена не была. Да и по существу — А. И. Кулабухов подписал не договор, а только проект договора, который должен был быть представлен только Раде и только Рада могла и только она имела право сказать по существу его свое слово.

Для ген. Деникина «договор дружбы» был всего лишь поводом для всего «Кубанского действия».

Дело в том, что ген. Деникин к тому времени уже проиграл свою и казачью борьбу и политически, и стратегически, проиграл как военный спец и как претендент в политические вожди: проиграл на внутреннем и на внешнем своих фронтах. И ему надо было «отыграться», надо было не только обес-

печить себе путь отступления на Кубань, но и отвлечь хоть немного внимание общественного мнения и своих соратников от истинного виновника поражения. Ген. Деникин пробовал переложить свою вину на плечи и головы казаки.

Решив отступать на Кубань и готовясь перенести туда снова свою ставку, ген. Деникин, конечно, не забыл того, как далеко не розовыми были у него отношения с кубанцами, когда ставка его была в Екатеринодаре, а сам он был еще «победителем». Надеяться на то, что отношения кубанцев изменятся к лучшему по отношению к нему, проигравшему, уложившему к тому времени уже столько казачьих голов и провоевавшему столько казачьего добра, — он, конечно, не мог. Для ген. Деникина оставалось или открыто признать свое поражение и сделать отсюда все надлежащие выводы, или попробовать еще раз подчинить себе Казачество фактически и формально с тем, чтобы остатки его снова бросить на ту же Московскую дорогу и продолжать борьбу за свою «белую мечту».

Деникин выбрал последнее.

Для нас, казаков, трагедия смерти А. И. Кулабухова и ее отзвуки на судьбу и исход тогдашней борьбы усугубляются еще и тем, что физически операция эта проведена казачьими руками.

Как мы уже говорили, в истории Казачества так было часто. Но надо, чтобы так уже больше не было.

Что же для этого нужно? — Нужно, чтобы все казаки раз и навсегда покончили со служилой традицией, навязанной им русскими царями. Нужно, чтобы во всех казачьих душах и умах восторжествовали идеи и программа В. К.

Казаки, участвовавшие в «параде» 6 ноября (19 ноября по новому ст.), говорят, что их тогда обманули. — Надо, чтобы не обманули их в будущем. Другой раз им нельзя будет таким способом снять с себя ответственность за содеянное, нельзя будет переложить своей вины ни на кого другого.

Во главе тех казаков, которые вешали или полагали вешать А. И. Кулабухова, стоял, ко стыду всего Кубанского Войска, тогдашний Кубанский Войсковой Атаман Филимонов.

Мы уже не раз говорили на страницах «ВК», что очень много Казачество проиграло в недавнем прошлом только потому, что, принимая самостийные Конституции, ставило во главе себя как раз противников казачьей самостоятельности. Очевидно, что и из этих своих неудачных действий и порожденных ими разочарований Казачество должно почерпнуть необходимые уроки для своего будущего. Казачество должно раз навсегда усвоить себе, что между законами и их блюстителями и исполнителями не должно быть ни противоречия, ни расхождения, а всегда — полное соответствие.

Казня А. И. Кулабухова, враги Казачества осмелились посягнуть на суверенитет Кубани только потому, что кубанские казаки позволили себе большую роскошь разделения. Делились не толь-

ко по убеждениям, не только по симпатиям или антипатиям к той или иной России, но и ничего не сделали, чтобы смягчить старое деление на Линию и Черноморию. Все эти деления пригодились — и весьма пригодились — противникам казаков — одинаково и линейцев и черноморцев.

В первый момент казалось, что, вместе с казью А. И. К., проиграли и самостийники, проиграли Черноморцы. Но что же выиграли Линейцы, поддерживавшие Филимонова? Что выиграли казаки противники казачьей самостийности?

Не меньше, чем внутренние несогласия на Кубани, помогли русским единомышленникам разгромить тогда кубанских самостийников, а с ними и все Казачество, — несогласия и раз'единенность между Казачьими Войсками. Ни Дон, ни Терек не поддержали тогда Кубани в ее споре с ген. Деникиным, хотя и тот и другой еще недавно получали поддержку Кубани всегда, как только за ней обирались.

Предоставленная самой себе, Кубань проиграла. Но, не помогшие ей Дон и Терек на второй день проиграли и сами.

Для нас сейчас не подлежит ни малейшему сомнению, что Казачество прошлую борьбу могло выиграть только в одном случае — в случае, если бы объединилось тогда уже в одну Казачью Державу и не задавалось никакими иными задачами, кроме своих казачьих. Вот почему мы, казаки националисты, не примирившиеся с настоящей долей Казачества, во главу угла своей национально-освободительной программы ставим идею создания одного казачьего объединенного государства Казаккии. Мы глубоко убеждены сами и хотим убедить всех казаков в том, что только в этом выигрыш для нас будущей борьбы, только в этом спасение Казачества сейчас и обеспечение его исторического будущего.

Возвращаясь к поведению самого Алексея Ивановича, мы должны сказать, что, фактически, он сам сдался тогда врагу. — Преклоняясь перед его светлой памятью и перед его героическим подвигом, мы должны решительно подчеркнуть, что не

разделяем тактики пассивного «непротivления злу». Пассивное страдание, даже героизм — дела нашего не выиграют. Выиграет только героизм активный. Не сдаваться надо врагу, а бороться с ним нам надо.

Недопустимо в будущем облегчать нам самим задачи наших противников сдачами. Вместо того, чтобы самим идти в руки врагов, надо каждый раз отсеять руку врага, когда она протянется с тем, чтобы посягнуть на свободу и независимость Казачества. А если кому из нас суждено будет погибнуть при этом, то гибель в бою лучше гибели на плахе.

Не пассивное, хотя бы и героическое, мученичество решит наш вопрос, а активная, беспощадная борьба с врагом. — И в этом отношении нам следует поучиться в первую очередь у врагов наших.

И еще одно весьма важное поучение можем извлечь мы из ноябрьских «кулабуховских дней» на Кубани. Надо признать, что и смерть А. И. Кулабухова и весь ноябрьский переворот достались врагу так дешево только потому, что самостийники фактически не оказали никакого сопротивления насильникам. Самостийники, увлекшись парламентаризмом, оказались не готовыми к борьбе, к защите и себя и своего дела. — Если ноябрьские дни не могут служить примером последователям ген. Деникина, то тем меньшим примером могут служить они казачьим патриотам. А если и могут служить, то только примером того, как не следует поступать в том случае, когда дело касается судьбы нашего будущего.

Кубанские самостийники встретили неподготовленными натиск врага в ноябре 1919 года. Надо, чтобы всеказацкие самостийники не повторили их ошибок и выиграли казачье дело в грядущей решительной схватке с красными оккупантами Казачьих Земель. Одновременно это будет и наилучшим воздаянием должного памяти А. И. Кулабухова.

Долой оккупантов!

Да здравствует Казаккия!

Слава Казачеству!

Признания или хвастовство ?

Генерал Деникин недавно в Лондоне сказал одному английскому журналисту:

...«Только горсточка нас распознала в 1918 году, как велика была угроза большевизма. Начало белой армии было положено группой офицеров и молодежи, имевшей на всю организацию только четыреста рублей. Хотя наша армия потом разрослась до 200.000 бойцов, наши усилия для освобождения родины не были поняты подавляющим большинством русского народа и мы проиграли»... («Возр.» 14 ноября).

— Мы, казаки, очень хорошо знаем, как и почему проиграл ген. Деникин, но мы до сих пор даже и не подозревали, что Добровольческая армия выростала до 200.000 (двухсот тысяч) бойцов.

Знаем мы (хотя приблизительно) и количество красных бойцов, сражавшихся против Добрармии и казачьих армий. Их было меньше 200.000.

И вот сейчас, ген. Деникин, признается, что, имея 200.000 бойцов, проиграл войну... — Проиграл войну большой военный специалист, стоявший во главе большей армии, чем та, какой располагал противник. Причем, эта армия противника создавалась штатскими — Лениным, Троцким, Сталиным... и предводительствовали ею вахмистры Буденный, Думенко...

И еще одно замечание: армия ген. Деникина состояла из бойцов качественно лучших, чем тогдашние красноармейцы...

— Правда, есть над чем задуматься теперь даже «русским казакам»?

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Кубань дала для борьбы с большевиками лучшую часть своего населения — храбрых бойцов в армию; Кубань дала для обеспечения успеха той же борьбы очень большие материальные средства; с донского станка для печатания денег Кубань получила сравнительно незначительную часть денежных знаков; за отпущенное Кубанью продовольствие для армии и населения кубанцам должны были свыше 200 миллионов рублей; кубанское добро растратилось в пути или его просто не доставляли по назначению и... кубанские фронтовые части голодали, лошади от бескормичи выходили из строя.

И, в довершение всего, 19 сентября 1919 г. Добровольческая Армия объявила Кубань «блокаду»...

Кубанское Правительство запросило Особое Совещание: 1. Имелось ли в виду это распоряжение распространить на железнодорожные станции внутри Кубанского Края. 2. Распространяется ли это распоряжение на грузы, идущие из Донской и Терской областей. 3. Касается ли это распоряжение грузов, идущих по договорам, заключенным ранее, по которым Кубань выдает определенный эквивалент. 4. Распространяется ли это распоряжение на товары, идущие из-за границы, не производящиеся на территории Добровольческой армии, через Новороссийский порт.

В ответ на эту телеграмму помощник главнокомандующего и председатель Особого Совещания ген. Лукомский прислал следующую телеграмму Кубанскому Правительству: «Главное командование в лице Особого Совещания и отдельных управлений уже целый год стремится к экономическому объединению Юга России и уничтожению таможенных рогаток между отдельными автономными областями и территориями, находящейся под управлением главнокомандующего. К сожалению, все усилия его в этом направлении были напрасны, и главное командование сочло необходимым применить в отношении вывоза из территории Добровольческой армии те же меры, которые давно применяются Кубанью, Доном и Тереком, т. е. разрешать вывоз не иначе, как при условии возвратного по ценности количества товара из соответствующей области. Прибегнуть к такой мере главное командование вынуждено было, между прочим, тем обстоятельством, что Донское Правительство выпускало за границу и в Закавказье такие товары, которые оно свободно получало с территории Добровольческой армии, в то время, как управление торговли и промышленности не разрешило вывоза тех же товаров за границу, в виду острой потребности в них армии и населения. Таким образом, к принятию указанной меры главное командование вынуждено было обстоятельствами, от него не зависящими, а самая мера представляет собой лишь применение тех же начал, которые уже свыше года систематически применяются крайевыми правительствами, и в особенности Кубанью, с той, однако разницей, что никаких «регистрационных» или иных сборов с товаров Добровольческая армия не взимает. При этом главное командование по-прежнему считает, что внутренние таможенные рогатки, препятствуя естественному обмену отдельных областей предметами своего производства, только вызывают дальнейшее повышение цен, порождают спекуляцию и препятствуют правильному снабжению сырьем промышленных предприятий. В виду этого, в случае согласия крайевых правительств на отмену запрещений вывоза товаров на началах взаимности, главное командование, с своей стороны, готово во всякое время отменить все существующие ограничения вывоза с территории Добровольческой армии в другие русские области».

Ген. Лукомский в этой телеграмме поместил одно

основное несоответствие с действительностью: Добровольческие генералы и руководители Добровольческой Армии никогда не стремились к объединению казачьих и неказачьих республик, а только к подчинению их своей власти. Казаки на подчинение не шли.

Экономическая блокада продолжалась, внося всюду большое недовольство, раздражение, усложняя и без того враждебные отношения между Кубанью и Добровольческой Армией. В Кубанскую Законодательную Раду стали поступать приговоры станичных обществ с выражением негодования по адресу командования Добровольческой Армии, разрушающего экономическую жизнь тыла... «Нельзя надеяться на прочность фронта», говорится в одном из приговоров — «когда сражающиеся в рядах Добровольческой армии наши дети знают, что их отцов блокирует командование этой же армии. Между командирами и солдатами непременно будет вражда». (Покровский. Деникинщина, стр. 207).

16-го октября ген. Деникин прислал Кубанскому Атаману телеграмму, в которой говорил: «В интересах наивыгоднейшего использования имеющихся на Юге России запасов сырья, для получения нужных для армии предметов снаряжения считаю безусловно необходимым объединенное и согласованное регулирование вывоза за границу. В виду сего считаю необходимым участие представителей Дона, Кубани и Терек-ка в соответствующих органах: комиссии по обороне, комиссии пограничным заказам, экспортной комиссии, при чем основание участия представителей крайевых правительств в указанных органах должны быть определены особым соглашением. Предложенные Кубанским правительством операции по товарообмену с границей не встретят возражений если вывоз известных категорий сырья не будет противоречить государственным интересам. Представляется необходимым наметенные операции по товарообмену рассмотреть в экспортной комиссии по обороне... При существующем положении не могу согласиться с вывозом хлеба и других продовольственных продуктов в Закавказье. Иностранные транзитные товары будут пропускаться на Кубань беспрепятственно».

Рядом с этой телеграммой председатель Особого Совещания ген. Лукомский прислал тоже на имя Атамана длинное письмо, в котором пояснял детали предлагаемого способа разрешения спорного вопроса («Кубанская Воля», 23 окт. 1919 г.).

Законодательная Рада тогда еще ничего не знала об уже готовящемся перевороте и со всей серьезностью 21-22 октября обсуждала и телеграмму Деникина, и письмо Лукомского, доложенные ей Куб. Правительством. Было констатировано следующее:

1. Кубанский Край по Конституции, принятой Краевой Радой 5-го декабря 1918 года, есть суверенное государство.

2. Пользование морями и портами Кубанского Края никем не может быть ограничено.

3. Телеграмма главнокомандующего Добровольческой армией нарушает конституцию Края, вмешиваясь в экономическую жизнь Кубани (там же).

В результате обсуждения вопроса в Законодательной Раде, Кубанское Правительство послало Особому Совещанию следующий ответ:

1. Запрещение вывоза и ввоза иностранных товаров Куб. Правительство считает покушение на экономическую самостоятельность Кубанского Края.

2. Исходя из того что необходимо единство экономической политики, Правительство в то же время считает, что орган для урегулирования внешней торговли должен быть организован на паритетных началах.

3. Кубанское правительство не считает возможным

участвовать в этом органе впредь до отмены всех за-
прещений ввоза и вывоза заграничных товаров.

Этот ответ Кубанского Правительства был новым доказательством того, что Кубань упорно держалась своей независимости. А так как Добрармия так же упорно держалась единовременных позиций, создавалось совершенно безвыходное положение. Ни одна из борющихся сторон не хотела сойти со своих позиций.

Надо признать, что Гордиев узел казачье-русских отношений, действительно, мог быть разрешен только оружием. И было ясно, что если казаки не заставят русских «белых» подчиниться казачьей воле на Казачьей Земле, то русские люди подчинят Казачью Землю Русской воле. Казаки на решительные меры не пошли, а добровольцы пошли. Так как Донской Атаман и Донское Правительство, в общем, лояльно относились к Деникину, так как Терский Атаман и Терское Правительство занимали такую же позицию, так как Кубанский Атаман, кубанское офицерство и часть (хотя и меньшинство) членов Законодательной и Краевой Рад занимали одинаковую позицию с выше названными органами власти на Дону и на Тереке, естественным было желание «белых» насильственными мерами отстранить со своей дороги кубанских самостийников, сосредоточивших свои силы в Кубанской Законодательной Раде и ее разветвлениях — Кубанской заграничной делегации в Париже и Кубанской делегации на Южно-Русской конференции...

Оберегая экономическую самостоятельность Кубанского Края, Кубанское Правительство с лета 1918 г. регулировало внешнюю торговлю Кубани, поэтому на границах Кубани находились «рогатки».

Подготавливая военный переворот на Кубани, русские люди обратили внимание на то, что хлеборобское население Кубани, особенно соседних с Доном и Ставропольской губернией районов, весьма стеснено было в своих торговых операциях с соседями. Цены на сельско-хозяйственные продукты на Кубани были гораздо ниже цен на те же предметы в соседних областях. В то же время вывоз большинства сельско-хозяйственных продуктов с Кубани можно было делать только с разрешения органов Кубанского Правительства, стремившегося за кубанские товары ввезти не бесценные кредитные билеты, а тоже товары, необходимые для населения.

Противники казачьей самостоятельности повели по станциям Кубани соответствующую работу с целью настроить население против Кубанского Правительства. И до известной степени добились результатов. Как сообщали газеты, в Управление Ейского отдела «в последнее время стали поступать приговоры станичных обществ с просьбами о снятии кордонной линии и разрешения свободной торговли». В станице Уманской состоялся съезд уполномоченных станиц, на котором также обсуждался вопрос о снятии кордонной линии. Съезд вынес постановление: ходатайствовать о разрешении свободной торговли и об отмене таможенных ограничений («Приазовский Край», 18 окт. 1919 г.).

Подобное постановление было вынесено 14-го октября в г. Армавире на Съезде представителей станиц Лабинского отдела.

По этому поводу русские газеты писали, что население Кубани будто бы жлет не дожидается ликвидации самостоятельности Кубанского Края.

Выше мы отметили уже то сильное недовольство, которое вызвал Земельный Закон Рады среди крупных и мелких помещиков и вообще земельных собственников на Кубани. Многие из кубанцев, принявших активное участие в подготовке и проведении ноябрьского переворота, были землевладельцами или их родственниками.

Вместе с кубанскими землевладельцами на борьбу с кубанской самостийностью поднялся и торгово-промышленный класс горохов (элемент не казачий). деятельность которого была значительно ограничена кубанским законодательством и мероприятиями Кубанского Правительства.

Незадолго до переворота промышленники и торговцы были поставлены на ноги. И среди них переротчики искали себе поддержки. И действительно «Совет объединенной промышленности и торговли Кубанского Края» обратился к Войсковому Атаману Филимонову с обширной докладной запиской, в которой подробно изложил свою точку зрения на экономическое положение Края в связи с текущими политическими событиями (Покровский. Деникинщина, стр. 220).

«Политика обособления от других частей России», поучал Совет промышленности и торговли, «до сих пор проводившаяся Кубанью и выразившаяся между прочим, в установлении ею собственных таможенных застав, привела к крайне нежелательным последствиям. Вызвав соответствующий ответ со стороны правительства Добровольческой Армии, воспретившего, в свою очередь, свободный пропуск товаров на Кубань, она уже поставила Кубанский Край в крайне тяжелое положение. В дальнейшем, если эта политика не будет в корне изменена, она грозит вызвать еще большие осложнения, которые должны будут пагубно отразиться на всей хозяйственной жизни Края. Это обстоятельство побуждает в настоящее время Совет объединенной промышленности и торговли Кубанского Края, как организацию, особенно тесно соприкасающуюся с нуждами хозяйственной жизни Кубани, высказать свой голос и обратить внимание на серьезность создавшегося положения и на крайнюю желательность того, чтобы, как Кубанской краевой властью, так и Особым Совещанием при главнокомандующем, в сознании общих интересов, связывающих Кубань с остальными частями России, были немедленно приняты меры к устранению причин, ведущих к обострению отношений между Кубанью и остальной Россией, — обострение, которое в конечном счете не может быть, разумеется, выгодным ни для той, ни для другой стороны».

«Основная причина переживаемой нами ныне беспримерной разрухи кроется, по глубокому убеждению Совета, в распаде российской государственности, в отсутствии у нас единой всероссийской власти... Экономическая политика, проводившаяся до сих пор на Кубани, была основана на стремлении воспрепятствовать свободному вывозу местных продуктов за пределы края... Эта политика не принесла реальной пользы и самой Кубани».

И — «Совет объединенной промышленности и торговли Кубанского края» стал всецело на сторону генерала Деникина и его Особого Совещания...

Чем ближе был день открытия работ Кубанской Краевой Рады, тем интенсивнее становилась работа противников Кубанской самостийности.

Совершенно неожиданно для заговорщиков, в октябре 1919 г. возвратился на Кубань из Парижа член Кубанской заграничной делегации и член Кубанской Рады Алексей Иванович Кулабухов, привезший письменные и устные информации. В очередном письме главы этой делегации Л. Л. Быча на имя заместителя председателя Кубанской Законодательной Рады, от 11-го октября 1919 г., было написано, между прочим, следующее:

«Я послал на Ваше имя 10-го прошлого сентября обширный доклад (более 70-ти печатных страниц). Не знаю, получили-ли Вы его или нет. На всякий случай посылаю одновременно с сим второй экземпляр этого доклада».

К большому сожалению, мы уже давно ничего не получаем от Вас: это ставит нас в очень трудное положение, так как мы начинаем чувствовать себя оторванными от Рады и от Кубани.

На днях нам привезли (капитан Адамс) газеты с пометкой Законодательной Рады, но письма на имя Делегации не было.

В дополнение к предыдущим нашим просьбам, мы снова повторяем свою покорнейшую просьбу посылать нам хотя бы краткие сообщения о положении дел и о настроениях, пользуясь всяким случаем.

В дополнение к докладу своему от 10 прошлого

сентября считаю нужным сообщить следующее: Как и следовало ожидать (это высказано в нашем докладе от 10 сентября), между генералом Деникиным и Петлюрой соглашение не состоялось и началась война. Как тогда, так и теперь мы думаем, что это приведет к печальному концу. И хотя мы знаем, что ген. Деникин одерживает победы и приблизился к Москве уже на 250 верст, но мы не думаем, чтобы это победное шествие принесло желательные результаты. Мы уже не говорим о том ужасном положении, в которое поставлена Кубань по отношению к Украине, ибо часть Кубанцев несомненно участвует в покорении Украины и, следовательно, фактически выходит так, что Кубань ведет войну с Украиной и, следовательно, прошлогодние торжественные заверения ныне стали ложью, которая ляжет темным, позорным пятном не только на того, кто эти заверения провозгласил, но и на всю Раду, которая горячими аплодисментами их приветствовала.

При сем я посылаю Вам воззвание Украинского Правительства к народу Украины; из этого воззвания Вы усмотрите, что со стороны украинцев делались попытки предотвратить кровопролитие, но попытки эти ген. Деникиным были отвергнуты и он предпочитает лить кровь вместо того, чтобы объединить усилия в борьбе против большевиков, которая могла бы скоро закончиться.

Конечно, мы не желали бы, чтобы лилась кровь и большевиков, так как это кровь русского народа; и тем более мы не желаем пролития крови тех, кто борется против большевиков и кто защищает права и интересы народных.

Мы слышим здесь о появлении в тылу армии Деникина повстанческих отрядов и думаем, что это только начало того страшного явления, которое, вероятно, разразится в скором времени.

Если есть легковверные люди, а их, кажется, к сожалению, не мало, которые думают, что взятие ген. Деникиным Москвы внесет успокоение и создаст в России порядок, они в этом должны будут жестоко разочароваться; они слишком близоруки, так как проводимая ныне в жизнь политика создает почву для величайшей анархии, уничтожая и те немногие, не окрепшие еще организации народных масс, которые с трудом поддерживали кое-какой порядок. А затем нельзя смотреть на вещи только с точки зрения данного момента и отдельного фронта, хотя бы даже и такого сравнительно победоносного, каким ныне является фронт Деникина. Необходимо учитывать совокупность условий и обстановку в более широком масштабе, а эта обстановка очень сложна...

Выступление А. И. Кулабухова 17-го октября в заседании Законодательной Рады с обширной речью против русских монархистов и единомышленцев, заявление его о том, что «Казачество не допустит, чтобы по тому Краю, на котором пролиты реки казачьей крови, ехала тяжелая колесница комиссаров или генерал-губернаторов», его горячий призыв к Кубанскому Правительству «принять самые решительные меры борьбы» против «разнузданной клеветы и агитации, которые свободно процветают сейчас на Кубани на глазах Правительства» — вызвали чрезвычайно сильную тревогу среди русских вообще и среди заговорщиков в частности.

Первоначальный проект переворота на Кубани, составленный 8-9 октября в Таганроге-Ростове на совещании генералов Деникина, Врангеля и Лукомского при участии К. Соколова и потом осуществляемый Врангелем, предусматривал необходимость изменения Кубанской Конституции в смысле а) уничтожения Кубанской Законодательной Рады, б) установления единоличной власти атамана и в) уничтожение закона о Кубанской армии.

Совершенно ясно обозначившаяся во второй половине октября 1919 г. катастрофа на фронте Добровольческой армии и на стыке ее с Донской армией (см. выше: «Осеннее генеральное сражение»), появление на Кубани А. И. Кулабухова и распространившиеся слухи о возвращении на Кубань главы Кубанской

Заграничной Делегации Л. Л. Быча ко времени начала работ Краевой Рады 24-го октября были причиной того, что среди русских, подготовлявших переворот на Кубани, тогда наметилось два течения: одно из течений возглавлял ген. Врангель, а другое ген. Деникин.

Ознакомившись на фронте у Царицына с настроением кубанских казаков, ген. Врангель увидел, что в некоторых казачьих частях преобладает явно самостийническое настроение. Особенно это относилось к казакам, прибывшим перед тем с Кубани на пополнение. Поэтому ген. Врангель, отправляя в Екатеринодар бригаду полковника Буряка, «счел нужным указать ему (ген. Покровскому) на необходимость с его стороны всеми мерами избегать вооруженных выступлений. Я надеялся, говорит Врангель, что мне удастся одним призраком военного переворота образумить зарвавшихся самостийников».

21-го октября ген. Врангель написал ген. Покровскому в Екатеринодар:

«Глубокоуважаемый Виктор Леонидович! Вернувшись в армию, я переговорил с большей частью начальствующих лиц, обехал части и обстоятельно разобрался в обстановке. Армия ныне пополнилась — большая часть высланных Кубанью пополнений уже влилась в части; полки, дошедшие в середине сентября до 80-90 шашек, ныне увеличились до 200-250, однако, усилившись в 3-8 раз, части, неизбежно, изменили свой облик и изменились в худшую сторону... Усилия «самостийников» за последнее время направились на наиболее стойкие отделы — линейцев, и пополнения из этих отделов наиболее развращены (надо пояснить, что за весь 1919 г. до самого переворота было совершено только две поездки самостийников на «линию»: один раз на празднование годовщины освобождения Баталпашинска и другой — на такое же празднование в ст. Константиновскую. Ред.) При этих условиях рассчитывать на полки в случае внутренних осложнений ныне несравненно труднее, чем полтора-два месяца тому назад. По данным контр-разведки штаба армии, те части, которые намечены Вами для переброски в Екатеринодар, на время созыва Рады, разбращены не менее других; в частности во 2-ом Уманском полку отношения между офицерами и казаками таковы, что мне пришлось отказаться от переброски этого полка. Конечно, армия по-прежнему чужда всякой «самостийности», как чужды ей и широкие слои Казачества, писал Врангель, но при настоящем составе полков рассчитывать на стойкость частей, в случае разрешения внутренних вопросов оружием, трудно. Предлагая известные требования, можно опереться на армию, но использовать это оружие как «Домоклов меч», отнюдь не нанося им удара. По моим сведениям, призыв военного переворота уже пугает кубанских «Мирабо» и его можно и должно использовать, однако, отнюдь не воплощая в жизнь. При настоящем положении, я обуславливаю мое выступление в Раде от имени армии лишь совершенно исключая какие бы то ни было вооруженные выступления, аресты и т. д. Примите меры к недопущению этого, во что бы то ни стало. Направление, принятое «Большим Войсковым Кругом на Дону», еще более укрепляет меня в принятом решении. Работа левого крыла круга и «самостийников» на Кубани происходит в тесной связи и ежели бы военный переворот на Кубани и увенчался успехом, то успех этот, кратковременный и непрочный, несомненно вызвал бы бурю на Дону, бурю, которая не только свела бы на нет этот успех, но и потрясла бы мощь воздвигаемого с таким трудом здания новой великой России. Жму Вашу руку, Ваш П. Врангель». (Копию этого письма Врангель передал генералу Лукомскому в Ростове).

В это время положение на фронте становилось явно катастрофическим. 19-го октября ген. Деникин потребовал срочной переброски из состава Кавказской армии 2-го Кубанского конного корпуса в район гор. Купянска. В конце концов было решено перебросить туда 2-ю и 4-ю кубанские дивизии.

«В связи с ослаблением и без того малочисленной армии и полного истощения фуражных и продоволь-

ственных средств в районе станции Котлубань — станции Качалинской», пишет Врангель, «я решил занять более сосредоточенное расположение, отведя конницу свою к югу от станции Карповка-хутора Россошинского. Вместе с тем, для прикрытия Царицына с востока, я решил занять небольшой плацдарм на левом берегу Волги, перебросив туда небольшой отряд в составе вновь сформированного стрелкового полка 3-й Кубанской казачьей дивизии, батареи и дивизиона конницы».

«24-го октября, ко дню открытия заседания Краевой Рады, я от имени армии телеграфировал ее председателю:

«От имени Кавказской армии шлю привет Краевой Раде. Обеспечивая жизнью своею мир и благоденствие родного Края, Кавказские Орлы верят, что Рада — носительница высшей власти в Крае, найдет верные пути к созидательной работе на пользу Родины и обеспечит нужды тех, кто в поволжских степях проливает свою кровь за счастье России. 24 октября 1919 г. Нр. 49229. Врангель».

Все выше приведенные документальные данные свидетельствуют о том, что Врангель якобы не хотел кровавой расправы на Кубани и думал путем «давления на Раду» и, опираясь на помощь самих кубанцев — сторонников Деникина-Врангеля, добиться изменения Конституции в желательном для «белых» смысле.

Другое течение, как сказано выше, возглавлял сам Деникин, тоже опиравшийся на помощь некоторых кубанцев.

Как было уже отмечено, возвратившийся из Парижа член Кубанской Делегации А. И. Кулабухов 17-го октября выступил в Законодательной Раде с предложением самой решительной борьбы с врагами Казачества. Кроме того, на частных совещаниях членов Законод. Рады. А. И. Кулабухов весьма категорически выступал с заявлениями о необходимости немедленно устранить ген. А. П. Филимонова с поста Кубанского Атамана за явно предательскую политику в отношении Кубани и Казачества вообще. Эту точку зрения поддерживали издавна все кубанские самостийники, но никак не могли найти подходящего кандидата на пост Атамана. Не мог указать его и А. И. Кулабухов...

Через своих информаторов из среды людей, близких к самостийникам, ген. Филимонов и его партия были осведомлены о роли А. И. Кулабухова среди членов Рады. Так как ген. Филимонов все время весьма цепко держался за атаманскую булаву, хотя прекрасно знал, что его политика идет в разрез с желаниями подавляющего большинства Кубанского казачества и, в то же время, не вполне удовлетворяет Деникина и его окружение, настояния А. И. Кулабухова удалить Филимонова с занимаемого им поста, естественно, вызвали крайнее раздражение среди руссофильской группы членов Рады и страх, что с уходом Филимонова с поста Атамана она потеряет важную позицию и тем самым может уйти в тень кубанской политической жизни. Больше всего, все же, боялся этого сам Филимонов.

20-го октября 1919 г. в газете «Кубанский Путь» появилась статья Д. Скобцова — «Сюрпризы дипломатии», в которой читаем следующее:

«Руссагеном доставлено известие о заключенном будто бы договоре между Кубанью и Республикой Союза Горских народов Кавказа — «договор дружбы».

Основание его — **признание** суверенитета и полной политической независимости обоими названными государственными образованиями и взаимное обязательство не предпринимать, ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав.

Подписали якобы этот «торжественный акт» со стороны Кубани Л. Л. Быч, ген. Савицкий, А. И. Кулабухов и А. А. Намитоков, со стороны Горской Республики г.г. Чермоев, Гайдаров и др.

Учитывая окружающую действительность, просто не верится в возможность подобной авантюры. Но указание на то, что сообщение появилось в газете осведомленной в горских делах, в «Вольном Горце», а также и наличие в Екатеринодаре некоторых «частных слухов» данного направления, — все это застав-

ляет призадуматься над фактом появления подобных известий.

По существу для нас не так важно, что пишут и говорят о г.г. Чермоевых, Гайдаровых и др., ибо много всякого людя появилось на авансцене горькой российской действительности, но для нас совершенно не безразлично, в каком свете выступают представители Кубани. **Ведь если допустить хотя на один момент, что подобный договор совершившийся факт, то лица подписавшие его, несомненно должны рассматриваться, как государственные преступники и должны быть немедленно привлечены к законной ответственности**, или весь этот «торжественный акт» должен рассматриваться, как юмористическое произведение веселых людей...

...Получается недопустимое положение: одной рукой мы созидаем, а другой — разрушаем. Фронт истекает кровью, а работники тыла своими выступлениями омрачают неоценимые жертвы, приносимые лучшей частью Кубани» — и т. д.

Таким образом, Д. Е. Скобцов обращал внимание защитников единой и неделимой России на необходимость привлечения членов Кубанской заграничной делегации «к законной ответственности»...

И действительно, в тот же день, 20 октября, ген. Деникин прислал следующую телеграмму Кубанскому Атаману Филимонову:

«В газете «Свободная Речь» Нр. 226 приведен договор между Кубанским Правительством и горским меджлисом. Благоволите телеграфировать, подписывал ли подобный договор Кулабухов. Таганрог 20/10. Нр. 016439. Деникин».

А 21 октября в газетах было опубликовано открытое письмо члена Рады П. Каплина члену Кубанской делегации А. И. Кулабухову следующего содержания:

«М. Г., Алексей Иванович!

«В печати появились сведения о якобы заключенном Кубанской делегацией в Париже с представителями так называемой Горской Республики договоре о взаимном признании полной государственной самостоятельности (суверенитета) Кубани и Горской Республики и взаимной поддержке этой самостоятельности.

В числе лиц, подписавших этот договор, значатся и Вы.

Считая указанный договор совершенно фантастическим и полагая, что такой глупый акт не мог быть подписан Вами, но с другой стороны, не встречая никаких опровержений с Вашей стороны, я позволю себе обратиться к Вам, как к единственному наличному члену Делегации из числа якобы подписавших указанный договор, с настоящим открытым письмом и просить Вас ответить печатно на следующие вопросы:

1. Соответствуют ли действительности сведения о заключенном Кубанской делегацией договоре.

2. Если бы к моему удивлению оказалось, что оглашаемые в печати сведения верны, то представляло бы большой общественно политический интерес узнать: а) на основании каких полномочий был заключен указанный договор и б) сколько еще и с кем именно были заключены от имени Кубани подобные договоры?

Член Законодательной Рады П. Каплин».

И вновь, как бы по заранее условленному плану, из Таганрога в Екатеринодар 23 октября летит телеграмма:

«Екатеринодар. Войсковому Атаману. Главнокомандующий просит немедленно телеграфировать, был ли заключен Кубанской делегацией тот договор с горским меджлисом, который указан в телеграмме Нр. 016439. Нр. 016620. Таганрог. 23 окт. 1919 г. Романовский».

24 октября Атаман Филимонов телеграфировал генералу Романовскому:

«Срочно. Таганрог. Нач. штаба армии ген. Романовскому.

016620. 016439. О заключении Бычем, Кулабуховым и другими договора с горским Меджлисом мне и Правительству ничего не известно. Произвожу расследование, о результатах сообщу срочно. 3698. Ген.-лейт. Филимонов. 24 окт. 19 г.».

(Эти телеграммы взяты нами из «Архива русской рев.», т. 5, стр. 358).

Между тем лица, участвовавшие в подготовке переворота, принимали довольно решительные меры в том направлении, чтобы не только с фронта привести в Екатеринодар надежные войсковые части, но чтобы и в самом Екатеринодаре в руки переворотчиков прибавить вооруженные силы.

Было обращено внимание на то, что начальник стражи г. Екатеринодара, состоявшей из казаков и несшей обязанности полиции, — полковник Цыбульский является сторонником самостийности Кубани, и поэтому Екатеринодарская стража в решительный момент может поддержать тот порядок в Екатеринодаре, который хотели нарушить переворотчики.

Чтобы устранить это препятствие, перед началом работ Краевой Рады Кубанский Атаман Филимонов, помимо Кубанского Правительства, издал приказ «об освобождении полк. Цыбульского от исполнения должности начальника стражи г. Екатеринодара», назначив на эту должность желательное для заговорщиков лицо.

Одновременно с этим таким же незаконным приказом Атаман Филимонов отстранил от должности атамана Лабинского отдела полковника Цвешко, так как этот полковник стоял за соблюдение постановлений Кубанской Рады и Правительства в том самом отделе, на который русские обратили особое внимание и откуда были родом ген. А. Филимонов, сотник Д. Филимонов, Д. Е. Скобцов, И. В. Горбушин и другие видные сторонники ген. Деникина.

Совет Кубанского Краевого Правительства, ознакомившись с приказом Войскового Атамана об устранении полк. Цыбульского и полк. Цвешко от занимаемых ими должностей, «нашел эти приказы противоречащими Кубанской Конституции и воздержался от освобождения от должностей названных чиновников». («Кубанская Воля», 26 окт. 1919 г.).

Тем не менее Кубанский Атаман устранил неудобного для заговорщиков начальника Екатеринодарской стражи полк. Цыбульского.

Одновременно с этим конфликтом между Кубанским Правительством и Атаманом министр внутренних дел Кубани К. А. Безкровный, видя, что конфликт между кубанскими самостийниками и деникинцами принимает формы крайне напряженной борьбы, подал прошение об отставке. Однако, «Совет Краевого Правительства, ознакомившись с мотивами поданного членом Правительства по внутренним делам К. А. Безкровным прошения об отставке, признал их неудовлетворительными» и настаивал на том, чтобы К. Безкровный не уходил в отставку в такое тяжелое для Кубани время. Все же Безкровный вышел в отставку.

Гарнизон г. Екатеринодара, состоявший из кубанских казаков, весьма внимательно и с большим сочувствием относился к работам Законодательной Рады. Между казаками гарнизона и военной охраной Рады существовала постоянная связь. Председатель Военной Комиссии в Законодательной Раде, он же и товарищ председателя в самой Раде, полк. К. Гончаров, принадлежа к лагерю самостийников, ведал набором казаков для охраны Рады, ведал собиранием информации о настроениях кубанских войсковых частей и, в частности, о настроении казаков в частях Екатеринодарского гарнизона. В этом деле ему помогали офицеры и казаки охраны Рады, что также хорошо было известно заговорщикам.

Перед самым началом работ Краевой Рады Атаман Филимонов и временно управляющий военным ведомством ген. Звягинцев издали следующий приказ:

«По имеющимся у меня сведениям, некоторые ли-

ца пытаются вести политическую пропаганду в войсковых частях, проникая для того в район казарменного расположения частей. Считая это совершенно недопустимым, приказываю командирам частей не допускать политической пропаганды во вверенных им частях, от кого бы такая не исходила. Лиц, нарушивших это распоряжение, приказываю задерживать и препровождать в распоряжение коменданта».

В то время как Кубанский Атаман ограждал кубанские части в Екатеринодаре от политической пропаганды самостийников, один из видных заговорщиков, ген. В. Покровский, был постоянным посетителем в Атаманском дворце, а другой заговорщик, ген. Врангель, безнаказанно занимался пропагандой на фронте, разлагал кубанские войсковые части, настраивал их против органов власти, установленных Конституцией Кубани, и во время приездов в Екатеринодар тоже был желанным и дорогим гостем во дворце Атамана. Пропаганда самого скверного и преступного, с точки зрения законов Кубани, характера находилась под покровительством Атамана Филимонова.

Кубанская Законодательная Рада своим постановлением 17 октября требовала от Правительства, а значит, и от Атамана, принятия решительных мер для защиты государственной самостоятельности и демократического устройства Кубани, но за короткое время, прошедшее от этого постановления до начала работ Краевой Рады 24 октября, произошли следующие события: 18 октября ген. Врангель выступил на фронте перед одной из дивизий с агитационной речью, пересыпанной клеветой на Кубанскую Законодательную Раду и на Кубань вообще, и призывающей казаков к борьбе против Рады; 20-21 октября члены Рады Д. Скобцов и Д. Каплин объявили члена Кубанской заграничной делегации А. И. Кулабухова государственным преступником, хотя этот делегат Кубани действовал в полном согласии с постановлением Краевой Рады, принятым после доклада Л. Л. Быча еще 11 ноября 1918 г.; 22-24 октября Атаман Филимонов незаконно отстранил от должностей начальника Екатеринодарской стражи и атамана Лабинского отдела, именно тех лиц, которые были склонны защищать постановления Рады и потому были неудобны заговорщикам; в то же время Деникин добивался знать, подписал ли А. И. Кулабухов договор между Кубанью и Горской Республикой, а министр-самостийник тихо отошел в сторону от кресла управляющего внутренними делами Кубани...

Войсковой Атаман, старшие начальники кубанских войсковых частей и лица, занимавшие высшие должности в Кубанском Крае — все были на стороне Деникина-Врангеля-Покровского... А бывший в течение долгого времени военным министром — ген. В. Г. Науменко сам принимал активнейшее участие в заговоре...

Когда командующий Донской армией умолял командный состав Кавказской армии продвинуться с этой армией несколько на север и тем облегчить наступление Донской армии с целью освобождения Хоперского и Усть-Медведицкого округов, захваченных русскими красными, тогда полководцы из Кавказской армии отказывались удовлетворить просьбу соседней казачьей армии; когда же ген. Деникин только пальчиком закивал на этих полководцев и потихоньку показывал на тыл — на Кубань, все они набросились на вольнолюбивую Кубань, сразу нашли силы и средства для борьбы с самостийным казачьим духом...

Так «красные» губили Казачество ударами с фронта, а «белые» наносили ему удары с тыла...

В этом и заключалась страшная трагедия Казачества...

(Продолжение следует).

Как известно, гр. Граббе распорядился, чтобы все донские организации в Белграде объединились в одну станицу. Был назначен общий сбор. Из 4 станиц на сбор явилась только одна, «кутыринская» (имени ген. П. Н. Краснова). На сборе эта станица и преобразовалась в «новую», согласно желанию Граббе. Остальные казачьи организации не прислали даже представителей. Только калмыки прислали г. Николаева «для связи».

Николай Посохов

Путями предков

(Продолжение).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОШМАР

Тихо в палате. На ночь свет в палате уменьшался. Изредка кто-либо из раненых застонет во сне и снова воцаряется тишина... Как бы по волшебству, Джигит и все его соседи по кроватям, все здоровые и радостные, собрались на зеленой лужайке рядом с весело журчащим ручейком. Черкесс вертит на тампуре сочный бараний шашлык, хорунжий Дикий, казаки и калмык, разостлав большие лопухи, раскладывают сестное для закуски и расставляют бутылки с вином. Радостно и весело светит благодатное весеннее солнышко, согревая собравшихся пировать.

Вдруг Джигит видит, как целый пучек змей выползает из соседнего ручья. Змеи сначала расплзлись, а потом направились к сидевшим на лужайке.

Не успел Джигит предупредить своих друзей, как все змеи соединились вместе и, обвившись в одну большую черную змею, обвили своим телом, как кольцом, всех собравшихся. Чувствуя себя сжатым кольцом змеи, Джигит пытается ухватить ее руками за шею. Вот он уже схватил и сжал ее своими руками. Вдруг он замечает, что змея имеет голову лектора Лыкова и, шипя, говорит ему: «Видишь, я крепко тебя держу. Я — обще-государственное русское благо... Я — общая польза. Уже многих казаков я отравила своим ядом, отравила также и задущу черкесов и калмыков; отравила и тебя, мой яд смертелен».

Джигит, державший у самой головы за шею змею, собрав последние усилия, стал все сильнее сжимать ее шею, говоря: «Врешь, проклятая, прежде чем ты меня отравишь, я задущу тебя». Чувствуя, что кольцо змеи ослабело, он последним усилием воли высоко поднял над головой задущенную змею и отбросил ее далеко от себя с торжествующим криком: «Что, проклятая, отравила?!»

— Успокойтесь, сотник, что с вами? — слышит он откуда-то, как-бы издалека доносящийся голос дежурной сестры. Господь с вами, у вас и лоб мокрый, и вы так страшно кричали, продолжала сестра, вытирая выступивший крупными каплями пот со лба Джигита.

— Уберите, сестра, вон ту змею, слабым голосом попросил Джигит, указывая пальцем в сторону возвышения, где происходила лекция.

— Какую змею? переспросила сестра с беспокойством, думая, что Джигит бредит. Дайте, я вам измерю температуру.

Кошмар Джигита был так реален, что ему все еще казалось, что он видит на возвышении черную длинную полосу растянувшейся, только-что задущенной им змеи. Все тело его ныло и он еще чувствовал холод от обятий змеиного тела.

Не желая посвящать ее в свой сон, Джигит, успокоившись ответил:

— Да, что-то снилось...

Джигит еще долго лежал с открытыми глазами, стараясь отделаться от только-что пережитого кошмара и только под утро забылся глубоким сном.

Вечером, на другой день, пришли в лазарет станичники и однополчане навестить Джигита.

— Мы уже неделю стоим в станице Пашковской, говорил урядник Нагаец. — Вся наша бригада пришла с фронта, где мы были уже у селения Дубовка, около Волги. Вдруг нас спешно погрузили в вагоны и повезли. Мы сперва думали, что где-нибудь красные провалили фронт и нас перебрасывают на помощь, но по пути узнали, что едем в Екатеринодар. Офицеры говорили нам, что в Екатеринодаре не спокойно, а здесь видим, что это неправда, все в порядке, даже неко-

торых наших офицеров уволили в отпуск, а также и многих казаков отпустили по станицам. У нас в смене хорунжий Данилов и Майборода тоже уехали. Случайно мы узнали, что вы лежите здесь и пришли проведать вас.

— Спасибо, братцы.

В это время пришел сотник Иотковский и принес газеты.

— Слушай, Аполлон, почему ты мне раньше не сказал, что мой полк стоит в станице Пашковской?

— Я, брат, всю эту неделю не был в Екатеринодаре, меня срочно послали в командировку на Терек. Я только вчера вернулся и сам узнал об этом. И, знаешь, что-то неладное затевается здесь с этой бригадой. В Раде и Правительстве не знали о прибытии ее. Атаман вызвал эту бригаду сюда, не сообщив об этом Правительству. Атаман что-то скрывает.

Джигиту вспомнился его ночной кошмар и он рассказал его прибывшим.

— Да, заключил Иотковский, твой сон очень плох, если верить снам.

Прощаясь, станичники спросили Джигита:

— Г-н сотник, мы хотели принести вам водки. Если хотите, мы принесем вам в другой раз, нам ее привезли в полк очень много. Офицеры наши каждый день веселятся, дают так-же и нам.

— Нет, спасибо, братцы, ведь вы же знаете, что я водки не пью, поблагодарил Джигит станичников, многозначительно переглянувшись с Иотковским.

Скоро после станичников ушел и Аполлон. Странная тяжесть и предчувствие чего-то недоброго легло на сердце Джигита по уходе гостей. Хотелось что-то понять, проникнуть в какую-то тайну, но дальше неопределенных догадок и предчувствий, приближения какой-то страшной, непоправимой опасности, мысли его не шли и от этой неизвестности и неопределенности еще тяжелее становилось на сердце. Но скоро черная пелена неизвестности вдруг сразу упала и перед казачьими глазами встала кошмарная неприглядность кулис измены казачьих Иуд, затягивавших с помощью русских палачей мертвую петлю на шею истекавшего жертвенной кровью Казачества.

Утром 20 ноября было объявлено, что, по приказу коменданта лазарета, не разрешается никому выходить в город. Палатная сестра часто шепталась с поручиком, но это не был обычный шепот. Шепчась, они часто бросали злые взгляды в сторону Джигита и хорунжего Дикого, мирно беседовавших и строивших планы будущей жизни в станице по окончании войны с русскими.

Победав, Джигит и хорунжий Дикий вышли в лазаретный сад и, сидя на скамейке, продолжали беседу. В это время торопливыми шагами подошел только-что вошедший в ворота Иотковский, целую неделю не показывавшийся здесь. Нервно и порывисто пожав руки друзьям, он спросил:

— Вы знаете, что делается в городе? Или, вернее, что случилось?

— Нет, Аполлон, а что такое? спросил Джигит.

— Ужас, что творится. Сегодня утром арестовали Краевую Раду и повесили члена Рады Кулабухова.

— Что такое? поднялись со скамьи Джигит и Дикий, как громом пораженные этой вестью.

— И какая низость и вероломство, — все это сделано с ведома Атамана Филимонова. Теперь уже у меня нет сомнений, что он служил русской политике и губил Казачество.

Молча, подавленные вестью, стояли оба офицера.

— «Вот она, змея», пронеслось в мозгу Джигита. Раньше двуглавый черный орел заслонял собой свет свободы для Казачества, выцарапывая и клюя вольно-казацьи земли, освященные, обильно политые кровью казаков, а теперь многоголовая русская змея хочет довершить злое дело и окончательно убить Казачество. Красная Россия, не скрывая своих замыслов, открыто ведет войну, чтобы завоевать казацьи земли, объявив поход за хлебом. Белая же Россия, вся эта русская аристократия и интеллигенция, во главе с русскими генералами, не признанными своим народом, пришли к нам, казакам, в страну порядка и закона, под видом друзей и принесли с собой произвол и насилие. Откормило и отогрело Казачество змею на своей груди».

В голове хорунжего Дикого бродили точно такие же мысли. Видя, подавленность друзей, сотник Иотковский оставил их, обещая скоро опять навестить. Из дверей же лазарета к ним направлялись Варивода, черкес, калмык и, видя уходившего Иотковского, который раньше приносил газеты и новости, обратились к Джигиту:

— Что нового, г-н сотник?

— Эх, досадливо и мрачно махнул Джигит рукой, сказав в ответ: — Потом сами узнаете, направился внутрь лазарета.

Хорунжий Дикий молча последовал за ним. Казаки, ничего не знавшие, были поражены странным молчанием своих офицеров.

До самого ужина пролежали на своих кроватях Джигит и Дикий. После ужина казаки, черкес и калмык подошли к Джигиту. Они уже слышали от санитаров лазарета о случившемся, но хотели удостовериться.

— Правда, г-н сотник, болтают, что русские арестовали Раду и повесили одного члена Рады?

— Да, брат, правда и сделано это руками не русскими, а казацких изменников по приказанию русских генералов и нашего изменника Атамана. Казацьи Иуды покрыли себя несмыслимым позором, допустив произвол и пролив кровь лучших казацких патриотов и защитников казацкого народа.

На другой день Джигит узнал подробности случившегося накануне от приехавшего из станицы Пашковской казначея, привезшего ему деньги за прошлое время.

— Знаешь, Коля, говорил он, вчера ночью все офицеры полка пили. Верно некоторые из них хотели заглушить голос совести. Во время попойки есаул Лычев проговорился, что он участвовал в военно-полеводном суде над членом Рады Кулабуховым и подписал ему смертный приговор. Кажется, председательствовал в этом суде полковник Раздиришин. Ну, я понимаю, Раздиришин не казак, да к тому же он у генерала Покровского давно служит в роли палача, но я не понимаю, как это есаул Лычев и другие казацкие офицеры могли опозорить себя. Я теперь не знаю, где у нас больше врагов: там ли, на фронте красные, или здесь в тылу эта кучка казацких Иуд с Атаманом во главе, уничтожающая лучших казаков. И какая насмешка, закончил он, на груди честного бесстрашного патриота, открыто ставшего на защиту казацкого народа, палачи прибили «за измену Казачеству».

Проводив казначея, Джигит поделился с хорунжим Диким только-что слышанным. Перед глазами друзей встала фигура Атамана изменника с его ближайшими помощниками, целым рядом других казацких Иуд, продавшихся русским генералам и предавших свой народ. За спиной этих Иуд следовал ряд казацких офицеров в перемежку с русскими, пытающимися наложить рабские цепи на казаков, чтобы затем потянуть их на Москву.

Недавний кошмар Джигита и кошмарная реальность переплелись и от этого тяжело было на душе.

Перед уходом на фронт бригады, под прикрытием которой казацкие Иуды совершили кровавое дело в казацкой столице, станичники Джигита пришли навестить его и проститься с ним.

— Понимаете ли вы теперь, для чего вас привезли сюда? спросил их Джигит.

— Так точно, г-н сотник, ответил урядник Нагаец. Мы теперь много поняли и видим, что нас обманули.

— Мы даже ничего не знали, добавил Майборода. Нам сказали, что идем на парад. Нас выстроили. Мы ждали, что парад будет принимать Воисковой Атаман, а вместо него по фронту проскакал генерал Покровский, поздоровался и приказал возвратиться в станицу Пашковскую. Офицеры всю ночь гуляли, а также и нам выдали водку. Только на другой день мы узнали всю правду.

На прощанье Джигит сказал станичникам:

— Я теперь почти уверен, что вы идете завоевывать Москву. Верно я с вами не скоро встречу. Моя рана уже залечена и через четыре дня мне будет комиссия и я почти уверен, что я выйду по своему ранению в резерв чинов, и думаю вернуться в станицу, где я начну заниматься с детьми в школе.

— А я так думаю, г-н сотник, что мы с вами скоро встретимся, только не в полку, а в станице, сказал урядник Нагаец, прощаясь с Джигитом и направляясь к двери с остальными станичниками.

Предположения Джигита сбылись. Врачебная комиссия дала ему право перечислиться в резерв чинов по Войску.

Тепло простившись с хорунжим Диким, казаками, калмыками и черкесом, с которыми он так сжился за последнее время, Джигит уехал в станицу.

Немного отдохнув, он снова принялся ходить в школу заниматься с детьми.

Читая новости с фронта, Джигит видел, что Добровольческая армия, вся укомплектованная казаками, была направлена для завоевания Москвы и восстановления старой России, мечту о которой лелеяли белые генералы. Так хитрые русские политики подменили казацкую мечту о независимости и освобождении своей родины от незваных пришельцев с севера, подменили русской «белой» мечтой, принося в жертву русскому делу казацкую жизнь и казацкую кровь...

Еще более ужасные вести приходилось слышать Джигиту от раненых казаков, возвращавшихся с фронта в лазареты.

Подлечившись немного в прифронтовых лазаретах, казаки стремились в свои станицы и долечивали раны амбулаторным порядком, ходя на перевязки к станичному фельдшеру. Работы у фельдшера прибавилось. Не редкость было теперь видеть в станице казаков с руками на перевязи, с забинтованными головами или же на костылях. Станица казалась большим лазаретом. Часто встречались теперь братья Джигит и Петр и в беседе оба осуждали политику Атамана и казацких верхов, вовлекших Казачество в бесполезную завоевательную войну с русскими.

— Я теряюсь в догадках, как объяснить измену Атамана и казацких Иуд, говорил Петр. В великую войну Казачество было обескровлено и духовно утомлено ради русских интересов, а теперь, видимо, Атаманы вместе с русскими белыми генералами сговорились совсем уничтожить Казачество толкнув его в неравную борьбу с красной Россией. Если бы боролись только за нашу казацкую Родину и независимость, мы, казаки, могли бы победить и две таких России, но воевать за Россию белую я не вижу никакой пользы для казаков.

Грустно прошли для братьев Рождественские каникулы. Семья брата и Джигит собрались в доме у кровати тяжело больной матери.

Жизненные силы уходили с каждым днем из много пережившего и надломленного старостью и болезнью организма матери. Часто, проводя по шелковистым волосам Джигита, подолгу сидевшего у кровати больной, мать говорила:

— Я щастлива, мій сину, що ти більше не підеш на війну, я вміру спокійно.

Тяжела была утрата горячо любимой матери братьям и сестре. Грустно и безотрадно стало в отчем доме, когда из него ушла душа, заботившаяся обо всем. Джигит с радостью ухватился за предложение сестры поселиться у нее и помогать вести ее хозяйство.

Грозные события и удручающие вести, шедшие с

фронта, заслонили собой и отвлекли мысли Джигита от непоправимой утраты.

Однажды вечером Джигит услышал стук в дверь. Перед ним предстали урядник Нагаец и Майборода.

— Здравия желаем, г-н сотник, говорил я вам, что мы скоро встретимся в станице, начал Нагаец.

— Садитесь, братцы, рассказывайте, вы верно много нового привезли с собой с фронта. Маша, обратился он к сестре, приоткрывая дверь в соседнюю комнату, налей еще два стакана чая, у меня гости.

Станичники сели и поблагодарили Джигита за принесенный чай. Нагаец сказал:

— Мы не одни прибыли, а весь мой взвод, состоявший из наших станичников. В полку у нас мало осталось. Хорунжий Данилов, как уехал из станицы Пашковской, так и не вернулся в полк. Хорунжий Никитин убит, урядник Греков остался у себя в станице. Гнездилов убит, Монин тяжело ранен. А за что и для чего? За русские земли и потому, что русским панам нужна Москва. Ну и нехай они сами воюют. А нам, казакам, нужно защищать свою землю и свою Раду. Если бы вы знали, как нам было тяжело и горько, когда мы узнали, что нас обманули, когда нас привозили в Екатеринодар. Мы тогда только на другой день узнали, что русские палачи повесили честного патриота казака, а затем вместе с Атаманом посылают нас воевать за Россию против же России. Если русским наша Рада не правится и не нужна, так почему же мы, казаки, должны класть свои головы и лить кровь за их Москву?...

— Да, г-н сотник, вмешался в разговор Майборода, если бы вы видели, что творили русские бары, следовавшие позади армии. Как только очищается нами новая губерния и занимается новый русский город, сейчас же назначается губернатор, а помещики на своих землях сейчас же начинали расправу с крестьянами, а казаков посылали пороть крестьян.

— Да, братцы, я знал это и раньше. Хорошо было бы, если бы все казаки рассказывали так, как вы.

— Сейчас, г-н сотник, все казаки думают как и мы.

— Ну, а как же вы ушли из полка?

— Меня со всем взводом послали к одному помещику помочь ему вернуть земли, которые крестьяне

уже поделили между собой и засеяли. Мы все станичники посоветовались и решили уйти в станицу. И, вот, походным порядком, мы пошли на Кубань и, видите, благополучно прибыли в станицу и два дня уже живем здесь, разведывая, как отнесутся к нам наши станичники. Уже стало известно станичному атаману и он зовет меня и всех казаков в станичное правление. Мы пришли к вам за советом, что нам делать, если нас будут считать дезертирами. Завтра, в воскресенье, мы должны быть все на станичном сборе.

— Чтож, братцы, конечно, русские власти считали бы вас дезертирами, но ни один казак, знающий, как вы любите свою родину и сколько жертвенной крови пролили за нее, никогда не посчитает вас дезертирами. Завтра вы явитесь всем взводом на станичный сбор и говорите на сборе то, что рассказали мне. Завтра утром в церкви я тоже увижусь с атаманом и переговорю с ним.

Проводив станичников, Джигит всю ночь не мог уснуть.

«Вот, думал он, можно сказать, что мы, казаки, били красных русских, в десять раз превосходивших нас числом и оружием. Сама мысль, что мы боремся за наше правое дело, за нашу казачью родину, за право быть хозяином у себя дома, удесятиряли наши силы и я сам не так давно вот с этими орлами, не знающими, что такое страх, несокрушимой лавой разбивал и обращал в бегство и нерасстроенные пехотные красные полки и тысячами брал их в плен. И теперь могут назвать трусами, дезертирами этих орлов, не понимая того, что сейчас все переменялось, обстановка и соотношение духовных сил стало иным. Очищая нашу родину от незваных насильников, вторгнувшихся в нашу землю, мы часто только с плетью, без оружия, ходили в атаку на более сильного врага и побеждали, ибо право было на нашей стороне и сознание этого права укрепляло еще более и без того могучий казачий дух. Теперь же казаки, затянутые на путь войны с Россией за русскую «белую мечту» борются за чужие интересы на чужой земле, теперь право на стороне противника»...

Только перед утром удалось Джигиту заснуть на короткое время.

(Продолжение следует).

Ф. Штовхань

Годовщина

12 ноября 1920 года, когда диск красного солнца, в бесконечной морской дали, соединялся с линией горизонта, «Владимир» подходил к каменистому полупустынному берегу острова Лемноса. Тысячи казачьих глаз тревожно переводили свой взгляд с берега на утопающее в Эгейском море солнце. Каждому хотелось остановить погружение его за линию горизонта.

— А может быть наша часть будет высаживаться первой на сушу и я уже буду спать на земле и прощусь с жутким двенадцати-дневным сидением на пароходе...

Такие мысли можно было читать в глазах каждого казака. Так они истосковались по суше, что готовы были бросаться в море и плыть к берегу. Но пароход не совсем подошел к берегу. Еще было порядочное расстояние и он начал останавливаться... Якорь опустился в воду...

— Стал на якорь. Значит, еще одну ночь должны ночевать на пароходе... — промелькнуло в голове каждого, а лица приняли унылые, страдальческие выражения.

Солнце закатилось за горизонт, утонув в Эгейском море. Только густыми пучками «из моря» его золотистые лучи, как бы подавая надежду на то, что еще сегодня некоторые из нас успеют сойти на сушу.

От берега отчалила баржа и направилась к пароходу.

— Баржа, баржа... — раздались на палубе тихие и радостные голоса и в то же время громкий голос коменданта парохода прозвучал:

— Артиллеристы! приготовьтесь к высадке.

— Счастливы! — Можно было читать в глазах каждого казака.

Голоса умолкли. На лица насунулась грусть и зависть, что артиллеристы первые выходят на сушу.

С сияющими лицами они уже держали свои вещи в руках, с мыслью, что еще 15-20 минут и они уже будут на берегу.

Небольшое количество, около сотни, артиллеристов, шатаясь сходили по трапу на сушу.

Серые сумерки начали густо спускаться на землю. Шагах в ста виднелось несколько силуэтов. Это, с несколькими французскими офицерами, был генерал Бруссо — губернатор острова. Затем силуэты разделились. Генерал Бруссо, видимо, со своим адъютантом направился вдоль полуострова Калоераки на восток, а к артиллеристам пошел переводчик — казачий офицер — и два французца.

Подалась команда: стройсь!

Все выстроились в две шеренги. Еще несколько минут и снова команда: направо! правое плечо вперед, шагом марш!..

В ногу, под командой офицера, артиллеристы последовали за французом. Это был, повидимому, сержант французских войск.

Через несколько минут команда остановилась около ярусов каких-то брезентов. Впоследствии казаки узнали, что это белые французские палатки — будущие жилища казаков кубанского корпуса.

Меньшего размера, круглые палатки, назывались «марабу», а большие, 4-х угольные, большею частью зеленого цвета, назывались — «Маркиз».

Эти палатки должны были поставить артиллеристы для всех частей Кубанского корпуса. В малых палатках должны были разместиться казаки, в больших — штабы и интенданство.

Сотни казаков для сооружения такого большого лагеря было слишком мало. Тогда французское командование переменяло свое распоряжение и позволило каждой части, в указанном порядке, построить себе лагерь.

На второй день, с самого раннего утра, начали сходить команды других частей и работа закипела.

К вечеру был выстроен лагерь, за исключением только некоторых дополнений, перемещений и линейек для дневальных и для поверок.

Полуостров Калоераки, т. е. то место, которое было предназначено для Кубанского лагеря, представляет глинисто — каменистую почву, с очень скудной растительностью. Из построек был только водоопреснитель — один небольшой барак и несколько разбросанных по полуострову металлических чанов. За холмом было еще несколько барачков. В одном, самом большом, помещался штаб французского командования. Французские войска состояли из негров и арабов.

В свободных бараках французы поместили штаб Кубанского корпуса и лазареты.

Палатки, в которых помещались казаки, были поставлены под шнур во всех направлениях. Перед фронтом были сделаны ровные линейки, тоже под шнур, и посыпаны песком. Внешняя сторона полотняного казачьего города не была лишена даже некоторой доли красоты.

Вечером, по звуку трубы гвардейского дивизиона, казаки всех частей выходили на фронтальную линейку, строились в две шеренги и по команде дежурного офицера: на молитву шапки долой! — весь остров оглашался молитвами — «Отче Наш» и «Спаси, Господи, люди Твоя». После поверки казаки возвращались в свои палатки. В одних палатках слышалось потом казачье пение, а в других занимались рассказами о прошлой войне с большевиками или же разбিরались возможности возвращения домой. Это единственное желание — победоносно возвратиться домой — затемняло все невзгоды, все душевные печали и горести, холод, голод и тесноту зрению, и мыслям.

Иногда кто либо из казаков рисовал самый фантастический проект возвращения домой — и он принимался за стопроцентную возможность... Под впечатлением такого проекта в палатке один другого теснил и — спокойно засыпала целая палатка на голой каменной земле... Но случилось, что под спящими змеей вился прорвавшийся в палатку ручеек дождевой воды. Тем не менее, под впечатлением сладкого проекта, обыватели палатки быстро поднимались на ноги, находили прорыв, забивали его землей и — положение было спасено... Только тот, под кем текла вода, уже не имел места. На его месте сыро и холодно, а лечь на новое место не было никакой возможности. Нового свободного места не было. В палатке все места были заняты. Она вмещала в себе от 10

человек и выше. Несчастливцев очень часто на корточках просиживал до самого утра. Что он, бывало, не передумает за ночь!

Тоска все больше и больше охватывала все казачье существо. Иногда на целую палатку было только два или три человека здоровых, а остальные — в тифу. Очень часто было так, что эти двое, трое уже имели повышенную температуру, но не ложились. Они ждали, чтобы у первых двух, трех казаков прошел кризис и это уже считалось, что они здоровы, а тогда на их попечение оставалась целая палатка. Они были и доктора, и сестры милосердия, потому что медицинский персонал был перегружен работой. Лазареты были переполнены тяжело больными: и тифозными, и туберкулезными, и душевнобольными...

Не все переносили тиф; многие и умерли. Могилы росли и кресты прибавлялись.

Жуткое впечатление на казаков производили похороны. Из общей палаты мертвеца выносили в отдельную. Клали его там на землю (почти все казаки умерли одетыми и обутыми, а временами и в шапках). Затем, как только была готова могила, мертвеца заворачивали в просмоленный холст, увязывали проволокой и так относили на кладбище. Далеко от своей казачьей земли уходил покойник в каменистую могилу на вечный отдых...

Суровая действительность лемноской жизни все больше и больше вырисовывалась перед казаками. Смертные случаи уже менее удручающе действовали на казаков. На известие о смерти какого-нибудь казака, некоторые уныло говорили, что «может быть от лемноского рациона мы все умрем». Но более сильные духом возражали им и, как бы делая вызов смерти, говорили: не придушит нас всех тиф, кто-нибудь останется в живых и расскажет Кубани, какие лишения казаки переносили за Ее независимость, за Ее Волю и счастье.

Продукты получались корпусным интенданством из французского интенданства (очень скупо, так что многие недоедали), а из Кубанского корпусного интенданства расходились по частям.

Как только продукты приносились в часть, по всему лагерю было слышно: «кому?» — Мне, Ивану, Петру и т. д. Это значило, что продукты раскладывались на кучки по числу взводов, а взводы уже делили по палаткам. В палатке выбирали самого авторитетного и умеющего разделить провиант на равные части. Затем один отворачивался, чтобы не видеть кучек продуктов, а раздатчик указывал на одну из кучек и спрашивал отвернувшегося «кому?», а тот отвечал: Ивану, вахмистру, Петру, мне и т. д., пока не окончится вся раздача.

После получения рациона, некоторые с'едали его сейчас же, а некоторые с'едали только консервы, а хлеб несли на толкучку (местный рынок). Здесь собиравались все: офицеры, казаки, женщины и греки. Последние хлеба не покупали. Они покупали — шинели, брюки, ботинки, револьверы, часы и кольца, а хлеб казаки большею частью меняли на ложки или табак. Ложки делались стариками беженского батальона. Главное, нужно было купить ложку, потому что без ложки, при общем котле, оставалась, как говорили казаки, только одна юшка... Не оставалось ни одной фасоли, ни одной картошки...

Так протекали дни лемноской жизни. День кончался. На другой день все было точь в точь, как и вчера...

Медленно и однообразно — день за днем тянулось унылое время...

3 ноября в Париже состоялся сбор казаков, созданный гр. Граббе для организации общеказачьей станицы. Пришло почти 200 человек, но после вступительного слова Граббе для организации общеказачьей станицы на должность ст. атамана принял участие уже только 83 человека, а во второй (т. к. первая не дала результатов) всего лишь 48 человек. 17 ноября состоялось продолжение сбора, на который, вместе с гостями, пришло лишь человек 50. Станичным атаманом избран приписной казак Гайдуков. Интересно, что и сам Граббе приписной, и возглавитель «атаманской» станицы в Белграде — свежеприписанный.. Словом — везде приписные!...

Чужинец

Плеханов на Дону и воззвание Луганских казаков к братьям казакам (1878)

Волнения на Дону в 1878 г. вызвали активный интерес со стороны русских революционеров и на Дон из Петербурга поехал один из самых видных членов партии «Земля и Воля», Георгий Валентинович Плеханов. Он прожил на Дону, в Ростове, Новочеркасске, ст. Каменской с полгода, объехал район, где волновались казаки, и отправил две корреспонденции в подпольный орган «Земля и Воля», где они и были напечатаны, хотя и с немалым опозданием¹⁾. Описание событий, сделанное Плехановым, является до сих пор главным источником сведений о казачьем движении того времени. Поводом к волнению послужили новые правила пользования общественными лесами. Правила эти, — писал Плеханов, — состояли в следующем:

«Лес делится большими просеками на 30 равных участков. Рубка может происходить ежегодно только в одном из них. Воспрещается пасти в лесу скот. Вводится правильный сбор лесных плодов. Каждый казак имеет право только на определенное количество леса, между тем как до сих пор каждый казак пользовался всем, «куда топор и коса ходила».

«Недоверие казаков, как и всего народа, к его земским опекунам таково, что вопрос о том, целесообразны или нет предлагаемые меры, вовсе и не поднимался, и только те станицы, в которых преобладали степные хутора, согласились подписать приговор об отдаче леса под земскую опеку, лесные же — почти все протестовали.

«Особенно упорно держалась и держится Луганская станица Донецкого округа. Эта станица со своими хуторами окружена со всех сторон лесами. Удобные места для пастбы скота отстоят верст за 15 от нее, и, разумеется, гонять скот так далеко очень неудобно, особенно, когда грозит еще перспектива постоянных штрафов. «Вышла свинья за ворота, она уж в лесу: вот тебе и потрава!» — говорят казаки, и всякий знакомый с местностью, вполне согласится с ними. Но не одни только эти неудобства заставляют протестовать против отдачи леса. Вековое недоверие народа к правительству таково, что, вслед за извещением об «отнятии» лесов, пошли толки о том, что там-де пойдут отбирать озера, а после «хоть ложись да помирай».

«Одна казачка на станичном сборе даже сравнила земство с парнем, который сулит девке золотые горы пока не добьется своего, а потом кругом обманывает ее.

«Казаки, назначенные атаманом прокладывать просеки в лесу, отказались, по желанию всей Луганской станицы, выйти на работу. Из Черкаска наехало разное начальство, в том числе какой-то генерал, который хвастался пред казаками, что усмирят в 1861 году бунтовавших крестьян.

— «Мы тебе не мужики!» — отвечали на это казаки.

На одном из сборов урядники, по приказанию начальства, стали было записывать наиболее восставших против отдачи лес. Но это заметили казачки, которые вообще очень интересуются общественными делами, — кинулись на урядников и принялись их бить на глазах у начальства, которое бросилось бежать из станичного правления.

«Началось было следствие по этому делу, но станица заявила, что «были все». Несколько раз потом приказывали казакам выезжать для рубки просек в лесу, и ни разу они не послушались.

«Приказано было собрать новый сход, но едва кончилась обедня, и атаман вышел из церкви, как его окружила толпа казаков, слышались ругательства и угрозы, которые едва не перешли в действие. Атаман немедленно же отказался от должности и сход не мог состояться. Потом казаки отправились к квартире землемера, назначенного для межевания леса и проживавшего в станице, и грозились убить его, если он не уедет.

Прошло несколько дней. Ночью, когда вся станица уже спала, кто-то выстрелил в окно хаты, занимаемой землемером. Хотя он не был даже ранен, но переполох был чрезвычайный. Утром землемер поспешил уехать из Лугани, а за ним и храбрый военачальник, усмирявший в 1861 г. крестьян. Этот последний, еще накануне хвалившийся, что он, хоть 30 лет проживет в станице, а поставит на своем, так струсил, что не решился удирать без конвоя.

«Все начальство засело в Митякинской станице, в 25 верстах от Лугани, и оттуда требовало на суд тех казаков, которые отказались делать просеки в лесу. Последние не ехали, а требовали, чтобы суд сам к ним ехал. А пока тянулась между ними переписка, в Луганской станице шло следствие по делу «о покушении на жизнь таксатора».

К выстрелу население относится сочувственно, жалеет только, что таксатор не был убит. Между тем казаки, которых требовали на суд по делу о неповиновении распоряжениям атамана, решили ехать: какой-то смельчак уговорил других, что им-де и там ничего не посмеют сделать. Но когда они явились в Каменскую станицу, главную в Донецком округе, — всех их (30 чел.) арестовали и посадили в острог. Но это только подлило масла в огонь: между казаками пошли толки о том, чтобы не платить совсем земских и страховых (штраховых, как они называют) денег. Они стали обвинять атамана в предательстве и грозились убить его. Казаков пугают военной экзекуцией, а они говорят, что «примут ее в пики». Поднялся вопрос, стоит-ли давать землю (пак в 200 десятин) тем из офицеров, которые особенно энергично «усмиряли» казаков.

«Чем все это кончится, неизвестно; одно только можно сказать, что волнение не ограничивается одной Луганской станицей. В остальных станицах того же округа, напр., в Гундоровской, казаки хотя и не гонят таксатора, но владеть лесами собираются по старому; и приговор подписали только «господа», т. е. офицеры, простые же казаки — противятся ему.

«Вообще, как бы ни было различно сопротивление, недовольство везде одинаково сильно. Припоминаются какие-то предсказания «стариков», которые давно говорили, что придет время, когда будут стеснять казаков, когда у них отберут все угодья, и тогда произойдут на тихом Дону смуты и будет кровопролитие.

«И теперь уже казаки других станиц начинают с завистью, смешанной с уважением, смотреть на луганцев. «Ведь у нас какой народ-то: им-бы, как луганцам, гнать таксаторов, а они уперлись, что не отдадут лесу, да и только; а таксатор вон уже просек в лесу наделал», — говорила мне одна хуторская казачка»...

Плеханов рассказал все вышеизложенные события, как очевидец. «Что же касается слухов, — добавлял он, — то говорят, что в Еланской станице за таксатором, выехавшим делать в лесу просеки, бежали казаки с шашками, так что он едва спасся. Волнуются и в Урюпинской станице, волнуются в Усть-Медведицкой, Казанской и Расколинской (?). До сих пор казаки воображают, что стоят на легальной почве. «Мы своей кровью завоевали эти места, говорят они, кто же может отобрать их у нас? Когда государь был

1) «Земля и Воля», № 2, 15 дек. 1878 г.; № 4, 20 фев. 1879 г. См. также сб. «Революц. журналистика 1870-х гг.», Париж, 1905, стр. 207, 373.

на Дону, он прямо сказал, что у нас останется все по старому.

«Теперь, — добавлял Плеханов, — к осени (1878 года) стали возвращаться казаки с войны и, понятно, встретят далеко не с радостью эту новую «царскую милость».

К сожалению, Плеханов не оставил связанных воспоминаний о пребывании своем на Дону. Сводя воедино отрывочные замечания разбросанные в его собственных статьях и в статьях о нем, можно прийти к заключению, что он проделал сперва в Ростове и Черкасске большую организационную работу, продолженную затем и в Донецком округе. К сентябрю 1878 г. он был уже в центре группы казаков-интеллигентов, настроенных революционно, и мечтал уже о возможности активных выступлений. Но одному человеку агитационная и организационная работа по области, да еще при тогдашних путях сообщения, была не под силу. Плеханов вызвал себе на подмогу одного из самых выдающихся революционеров — организаторов этого времени Александра Михайлова. Последний был одним из авторов революционного плана землевольцев, выработанного еще в 1877 г. Поволжье казалось ему «колыбелью главных народных движений, кормилицей понизовой вольницы, пристанищем гонимых за веру и ищущих привольной жизни». Народ, населяющий южную часть Приволжья, по его мнению, «отличался самобытностью и любовью к свободе, среди него еще живы традиции движения Пугачева... С двух сторон к этой части Поволжья примыкают казачество Донское и Уральское, оба недовольные и протестующие, оба представляющие военную силу. С юга — Астрахань, по мнению некоторых согласий раскола, будущая столица Царства Правды, и Ростов (на Дону), собирающие до сей поры многие тысячи пришлого люда. С северо-востока уральские заводы, где Пугачев лил пушки... По плану землевольцев «имелось в виду связать организацией все эти местности, везде завести сношения и основать поселения (революционеров) и приступить таким образом к выполнению серьезного и широкого плана».

Михайлову дано было задание стать на Дону во главе казачьих «радикалов» (так звали тогда революционеров) и попытаться выступить активно. Судьбе было угодно, чтобы приезд на Дон Плеханова, а в сентябре 1878 г. и Михайлова, не имел никаких реальных последствий, кроме появления (с опозданием) одной из первых революционных казачьих прокламаций.

Прокламация эта была отпечатана в Петербурге, в землевольческой тайной типографии в октябре 1878 года, хотя составлена она была на Дону еще в начале августа или в конце июля (на ней поставлена дата «в день Успения», стало быть, ее хотели отпечатать и выпустить к 15-му августа). Написана она была Плехановым при участии «спропагандированных» землевольцами казаков. Первоначально ее хотели назвать «Воззванием к славному Войску Донскому», что более соответствовало бы казачьему духу и традициям, но, при печатании, заголовок отпал и оставался лишь подзаголовок: «Послание от Луганских казаков ко всем братьям-казакам».

Далше шел текст следующего содержания:

«От Луганской станицы всем станицам славного Донского Воинства (в рукописи несомненно было «Войска», а не «Воинства») «поклон».

«Братья! В тяготе своей и утеснении к вам мы обращаемся, ибо больше нам ждать помощи не от кого.

«Послушайте-же и рассудите.

«Искони веков жили мы, казаки, вольно на добытой нашей кровью земле.

«Не силком, а вольной волей пошли мы под руку великих царей российских. А верно-ли мы служили, про то ведают степи сыпучие черноморские, солончики крымские, да горы снеговые высокие турецкие, что кровью нашей политы, головами нашими посеяны.

«Никогда нам не было (?) ни обиды, ни тесноты

от царей русских, что помнили нашу службу и блюли наш закон дедовский и прадедовский. Как был у нас на Дону царь Александр Николаевич, что обещал, что говорил он? Спросите у старого и малого, — всякий скажет, всякий помнит. Обещал царь Александр Николаевич блюсти наши старинные вольности, говорил, что как прежде не платили казаки ни за лес, ни за воду, ни за землю, что своей кровью добыли, так не будет того и впредь. Мы обнадежились и порадовались, потому перед тем уже наезжали к нам всякие чиновники от начальства и грозились обложить податями и землю, и леса, и сады, и постройки:

— «Не будет того больше после слова царского» — думалось нам. А вышло и того хуже.

«Слушайте, братья, и судите, на чьей стороне правда.

«Весной нонешной нежданно, негаданно, приехали к нам два землемера с заседателем и говорят, что нам, казакам, Луганской станицы, приказано-де от земства отдать ему, земству, весь лес, что входит в наш юрт, и что они трое приехали размежевать его, чтобы земству ведомо было, где сколько ему нашего добра перепало. А как межевания им втроем не сделать, то велено нам-же самим им в том оказать пособие.

«Выходить: отдай мне твоего барана, да сам же облупи, да зажарь, да еще на кусочки порежь, чтобы мне меньше хлопот было его кушать.

«Вот какой приказ вышел нам, луганцам, от земства.

«Как один человек, вся Луганская станица объявила, что не бывать тому!

— «Наш лес, испокон веку мы владеем им и никому не отдадим, потому что нам без лесу нельзя! А земства вашего мы и знать не хотим. Наши отцы и деды не одну сотню лет без земства жили, без земства свою землю рядили, без земства от татар и турок всю православную Русь обороняли».

«Уехали землемеры; приехал большой чиновник из Новочеркасска и начал нас словами путать, чтобы мы добровольно наше кровное достояние земству отдали и потом ему же за каждое полено, за каждый сук деньги платили.

«Не поддались мы на его лукавые речи.

— «Сам Царь, сказали мы, как был на Дону, обещал хранить наши старинные права и вольности. А слышал-ли кто, чтобы казаки когда либо платили за землю да за уголья? Отродясь того не бывало, не бывать, стало быть, и теперь». Наш — лес, наша — земля, мы им хозяева. «Кровью взяли, кровью и отдадим» — говорили старики.

Ничего не добился земский чиновник; осердился, обозвал нас бунтовщиками и так и уехал.

«Да только злое, недоброе слово сказал он на прощание.

«Сказал он, братцы, уезжая, что пошлют на нас военную команду!..

«Братья! Много солдат у начальства и великой ложью оно их опутало. Солдат — что зверь: на кого натравят, того и загрызет. Прикажут командиры — он отца родного на штык поднимет, сожжет родную лелевню, перестреляет братьев, друзей, земляков. Знаете те вы сами. А коли не знаете, спросите крестьян на всей Руси — они поведывают вам!

«Братья! Теперь этих солдат хотят послать на нас. Забыты все наши труды бранные, забыто, что мы, отцы и деды наши, триста лет своей грудью боролись все православное царство от наездов татарских и турецких. Забыто все! Теперь мы сами стали турками. На нас, как на тех же турок, хотят послать тех самых солдат, что с турецкого похода ворочаются!

«А за что, про что?

«Господам, что в земстве сидят, завидно, вишь, стало, что мы не мрем с голоду, что не побираемся. Нужно, вишь, вырвать у нас изо рта наш трудовый кусок. Ну вот и решили они обложить податями и земтю казачью, и леса, и сады, и рыбные ловли, и дома, и постройки!

«Братья! Нам одним не устоять. Нагонят солдат,

они перебьют из нас половину, ворвутся в наши дома, расхитят достатки, перебьют скотину, потопчут поля, будут издеваться над нашими стариками беззащитными, опозорят наших жен и дочерей...

«Не попустите, не потерпите, чтобы так надругались над казаками, вашими братьями! Все мы одной семьи дети. У всех нас одна судьба. Одолей сегодня нас, завтра придет и вам черед.

«Коли мы врозь пойдем, раздавят нас наши лиходеи и разметут, как тряпицу, все наши вольности. Но велика могучая сила казачья, когда вся заколышется. Не только не одолеть ее, и подступить к ней не посмеют.

«С верным человеком мы, казаки луганские, посылаем вам эту грамоту от всей станицы нашей по мирскому приговору. Собирайте и вы сходы каждая станица у себя особо. А на сходы те станичных атаманов, старшин и начальство вы, братья, не зовите, потому что продали они свою душу и честь врагам за хорошие оклады и офицерские пайки. Зовите на сход простых, наших людей. От них мы ждем помощи и к ним мы обращаемся. А как соберетесь — прочитайте эту грамотку всем сходом и коли не умерла в вас честь казачья, коли дороги вам наши вольности, коли хотите вы стоять за правду святу, то выбирайте своих ходоков, чтобы шли к нам и были за одно с нами.

«Тогда уже не мы одни, а всеми станицами славного Донского Войинства мы объявим;

«Что
Будем стоять за свои старые вольности, кровью добытые, царем утвержденные;

«Что
Все отказываемся платить незаконные подати и поборы, что хочет завести начальство;

«Что
Все решились лучше лечь костями, чем перестать быть вольными казаками!

«Братья! Уже от многих соседних станиц получили мы слово доброе. Наши братья казаки обнадёживают нас стоять крепко и обещают подмогу против врага всего войства казачьего; не отстаньте-же и вы! Как увидит земство и чиновники, что не с одной станицей дело имеет, а со всем грозным войством, не посмеет и приступиться.

«Подыми же голос свой, великий вольный Дон и, как воронье поганое, что накинлось на добычу орлиную, разлетается во все стороны, лишь слышит вдали грозный крик его, так рассеются все враги твои, лишь только услышат могучий голос твой!» 2).

Для напечатания этой прокламации и выехал с Дона Плеханов, в начале октября 1878 г., в Петербург, в то время как Михайлов заводил первые свои знакомства в Ростове. Но в Петербурге он застал почти полный разгром полицией местной организации и тотчас вызвал Михайлова телеграммой с Дона. Оба они туда уже не вернулись, поглощенные революционной деятельностью в центре.

«Попытка агитации на Дону, — чрезвычайно важная с точки зрения нашей тогдашней программы, — резюмировал позже Плеханов. — окончилась ничем, и не потому, чтобы казачья полиция помешала нам завязать прочные связи в казачьих станицах и хуторах, — эта полиция, по своей неопытности в таких деталях, ничему помешать не могла, и связи уже начинали завязываться, а просто потому, что мысль об агитации в массах совсем перестала тогда увлекать нашу революционную интеллигенцию... 3).

Сам Плеханов исполнил обязательство в отношении донцов, отпечатавши, хотя и с опозданием воззвание. Нам неизвестно, получило ли на Дону какое-

либо распространение это воззвание. Повидимому, да, но очень незначительное. Во всяком случае, в июле 1879 г. жандармы установили, что машинист Азовской жел. дороги И. В. Морозов получил от Яницкого и сам передал Дунаеву экземпляр воззвания «Луганских казаков ко всем товарищам казакам 4).

Обращаясь к тексту воззвания, нельзя не заметить в нем элементов, привнесенных в него человеком, чуждым Дону: название Донского Войска — «Донским Войнством», характеристику русского солдата, как орудия для подавления народа, план революционных действий; и элементов, исходивших от казачьих интеллигентов: ссылка на вольности, царские грамоты, службы монархам и России. Одного нельзя понять, это — где и в чем собственно видели авторы воззвания в 1878 г. на Дону какие-то «вольности» и какое-то казачье самоуправление: от них к этому времени оставались лишь «рожки да ножки», да и того не было. И сами казаки, и авторы воззвания противопоставляли реальному земскому самоуправлению не казачье самоуправление, а воспоминание о вольном прошлом Вольного Казачества.

Тот-же Плеханов в № 4 «Земли и Воли», под видом корреспонденции из ст. Каменской, сообщил и об окончании Луганской истории. 30 казаков, отказавшихся от рубки просек, долго сидели в тюрьме. «Ответы арестованных были коротки и единодушны: «мы ни в чем не виноваты; бунтовали не мы одни, а вся станица, да и по прочим станицам также недовольны земством и разными прочими нововведениями и терпят только до поры, до времени»...

«Посылать солдат в станицу, в которой, с ее хуторами, считается до 15 тыс. жителей, было слишком рискованно»... Поэтому начальство воспользовалось списком в 150 чел. «бунтовщиков», который составил проживавший в станице «шпион из отставных офицеров — Апостолов», и арестовало этих станичников, угрожая им Сибирью.

«Несколько дней шли всевозможные толки в станице, и наконец станичники решили, что «один в поле не воин». Эх, — говорили они, с проклятием подписывая приговор об отлаче леса, — поддержи нас другие станицы, не так бы кончилось дело!»

После этого были освобождены и 150 чел. «оболганных Апостоловым», и 30 чел. первоначально арестованных.

Полводя в начале 1879 г. итоги луганской «истории», Плеханов полагал, что этот «бунт» оставил казакам драгоценный опыт в подобном деле. «Этот опыт показал, во 1), что для того, чтобы рассчитывать на какой-нибудь успех в борьбе с правительством, необходимо действовать дружно и единодушно; он показал во 2) полную возможность единодушного действия, так как причины недовольствия одинаковы во всем войске.

«Казаки хорошо сознают это, и мне кажется, что ни в какой другой части населения России нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей.

Плеханов перечислял причины недовольствия Войска.

«Недовольны казаки своим новорожденным земством, которое отбирает леса, озера, реки, налагает пошлины на мельницы, налагает вместе с правительством акция на соль, добываемую в Войске, тогда как прежде добывание ее было вольное и т. д.

«Недовольны они плохим наделом земель... Свободных земель в Войске пропасть. Но в том-то и дело, что из этих свободных земель никаких прирезок станицам не делается, хотя население растет...

«Рядом с этими, так сказать, экономическими причинами недовольства, являются правительственные, вроде отобрания оружия у казаков. По возвращении с театра военных действий в них в Киеве были отобраны пушки, а затем, когда они приехали в

2) Подлинник на двух страницах. Внизу слева напечатано: «Луганская станица. 1878-го года в день Успения». Чрезвычайная библиографическая редкость! Перепечатана эта прокламация впервые в «Историко-Ревот. Сборнике», т. II.

3) Предисловие к книге Туна «История революц. движ. в России», Женева, 1903, стр. 30-31.

4) После 11 мес. тюрьмы Морозов получил 11 июня 1880 г. 2 недели ареста и отпущен под гласный надзор. «Био-библ. словарь» (1870-гг.).

Черкасск — и ружья. Казаки объясняют эти меры тем, что начальство, дескать, боится общего бунта на Дону»...

Но главный элемент в ненависти казаков по отношению к земству заключался в сознании, что «замена прежнего казачьего самоуправления земским — равносильна замене действительного, неподдельного самоуправления фиктивным и не дешево стоящим».

Плеханов отмечал, что брожение в казачестве ширится, что среди казаков появились «доморощенные ораторы, которые производят сильное впечатление и на нашего брата, а о казаках и говорить нечего». Плеханов описывал одного, который и песню сочинил, начинавшуюся стихами:

«Ктой-то, братцы, наше Войско.

«Губит, грабит, разоряет?

«Ктой-то, братцы, нашу землю

«Податями облагает?..

Появление на Дону Плеханова было в истории казачества мимолетным явлением, не оставившим почти никакого следа. Но он — революционный народник в ту пору, искавший в «народе» проблески по-

литической сознательности, — был одним из немногих, которые поняли революционное значение борьбы казачества за остатки его былой вольности, которые практически попытались притти на помощь казачеству. Не важно, правильна-ли была борьба казаков против земства с точки зрения реальных интересов казачества. Важно то, что великий русский революционер сделал попытку помочь казачеству вернуть себе былую свою вольность 5).

5) Литература о пребывании Плеханова на Дону: упомянутые статьи в «З. и В.» и предисловие к Туну, перепечатанные в т. I и XXIV. Собр. соч. Плеханова; «О былом и небылицах» т. XXIV, стр. 299 и сл.; «Пролетарская Революция» № 15 (1923 г., № 3; Дейч в сб. «Группы», «Освоб. Труд», № 3, с. 51-55; Вольфсон «Плеханов — народник», «Працы Белар. універс.», т. IV-V; Аптекман «Земля и Воля 70-х годов»; с. 329, 330, 338; его-же вввод. ст. в книге «Черный Передел» 1922; Прибылева-Корба и В. Фигнер «Народоволец А. Д. Михайлов», Лгр., 1923, с. 112, 123, 195.

А. Ленивов

Чумная эпидемия в ст. Ветлянинской в 1878-1879 г.г.

Ст. Ветлянинская (Астраханского каз. в.) расположена на левом берегу р. Волги, как раз на пути между г.г. Царицыном и Астраханью. В период 1878-1879 г.г. в ст. Ветлянинской разразилась страшная чумная эпидемия, унесшая в могилу сотни казачьих жизней.

Скандалные подробности мероприятий русского правительства при оказании медицинской помощи казачьему населению, в среде коего разразилась чумная эпидемия, несмотря на строгую цензуру со стороны властей, стали известными на весь мир...

В течение двух с лишним лет, внимание всей Европы было приковано к маленькой казачьей станице Ветлянинской, затерявшейся в глуши безпредельных Астраханских степей. Более того, в район ст. Ветлянинской прибыли из Европы официальные иностранные делегации для производства наблюдения, именно, из Англии — проф. Лилеман и делегаты Пейн, Кейвель, Ресслер; из Германии — профессора Земерброд и Гириш, доктора Зунер и Кислер, из Италии — доктор Кабиаччи, из Австрии — проф. Беседецкий, доктора Киман, Клинбербергер, Рамахели, из Румынии — доктора Пиетреско и Тротонеско, из Турции — доктор Кабиаж, из Финляндии — доктор Спота.

Как относилась вообще русская центральная власть к нуждам казачьего населения, весьма наглядным образом видно на отношении к казакам ст. Ветлянинской. Поголовная военная служба Астраханских казаков, сопряженная к тому же с отбыванием т. н. внутренней службы и несением земских повинностей, непомерные расходы по снаряжению казаков, невозможность ведения сельского хозяйства, вследствие недостатка рабочих рук, — причины, ведшие к обнищанию казачьего населения. Кроме того, казаки ст. Ветлянинской принуждены были расходовать большие денежные суммы на постоянный перенос своих домов в виду того, что станица была расположена на нагорном берегу р. Волги, который постоянно подмывался водой и образовывавшийся яр неизменным образом обваливался. В довершение всего, страшный пожар, имевший место 6 июля 1848 года, истребил в ст. Ветлянинской 87 казачьих домов, в том числе и станичное училище. В 1870-1871 г.г. ст. Ветлянинскую постигла сильная холера, от которой умерла много казаков.

В 1857 году по предложению Военного Министерства, войсковое правление Астраханского каз. войска, созвало специальное совещание, которое высказалось «за упразднение лазаретов в войске, как дорого стоя-

щих и неоправдывающих денежных затрат», вместо чего полковые врачи были переименованы в окружных, а в каждую станицу было назначено по одному фельдшеру. В соответствии с указанным, лазарет существовавший в ст. Ветлянинской, был упразднен в 1867 году, а станица была сделана местом пребывания окружного врача 2-го округа (медицинского).

Во второй половине октября 1878 года в ст. Ветлянинской начались заболевания среди казаков, которые, проболев три-четыре дня, умирали. Станичный фельдшер В. Трубило, не будучи в состоянии распознать болезнь, донес об этом станичному атаману Г. М. Полякову, который, в свою очередь, сообщил окружному начальнику 1-го отдела, что: «на казаках появилась болезнь, которую фельдшер называет воспалением лимфатических паховых желез, сопряженных с головною болью. Во всеми принимаемыми стараниями к лечению, некоторые казаки умирают».

В ст. Ветлянинскую был прислан доктор Кох (13-го ноября), который, сообщая Наказному Атаману об умерших казаках, считал болезнь жестокой перемежающейся лихорадкой, причем добавлял, что «лихорадка» сопровождается сильною головною болью, и припуханием желез. 17-го ноября в ст. Ветлянинской побывал старший войсковой врач Депнер, который, в свою очередь, сообщил Наказному Атаману, что казаки страдают «ослабляющею лихорадкой с опухолью печени, селезенки, припуханием лимфатических желез или паховых, или подмышечных». Считая, что казаки умирали в виду несвоевременного обращения за медицинской помощью, Депнер полагал, что осмотренные им больные выздоровят в скором времени!.. Однако, указанные предположения не оправдались, ибо последние все умерли, в том числе и станичный фельдшер В. Трубило.

День ото дня становилось хуже, начинали вымирать целые семейства, в станице началась паника, жители разбегались в разные стороны, кто в калмыцкую степь, кто уезжал на хутора за р. Волгой.

6-го декабря в ст. Ветлянинскую вновь прибыл старший войсковой врач Депнер, которому Наказный Атаман ген. Фосс приказал находиться безотлучно в станице. Определив на сей раз, что у больных не наблюдается воспаления желез, Депнер решил, что болезнью является возвратная горячка. Приняв кое-какие меры в отношении установления правил гигиены, Депнер открыл в станице три больницы, существовавших весьма недолгое время, ибо все санитары по-

умирали, равным образом умер доктор Кох и пять фельдшеров, прибывших из соседних станиц. 14-го декабря умер станичный священник М. Гусаков; все казаки позапирались по домам, на улицах не было видно ни одной души. Убирать трупы умерших приходилось самому станичному атаману Г. М. Полякову с добровольными помощниками, предварительно напоенными водкой до «мертвецкого состояния», ибо только подобное мероприятие могло заставить работать обезумевших жителей.

Окружной начальник полк. Плеханов настаивал на немедленном оцеплении станицы, с целью предотвращения распространения заразы, но Наказный Атаман ген. Фосс отказал в подобной мере, считая, что «все пройдет по милости Божьей».

«Горячка с пятнами» распространялась в округе, люди начинали умирать на дорогах, известия о смертельной эпидемии среди Астраханских казаков проникли в Россию, стали известными в Европе... а доктора все еще не могли определить болезнь.

В конечном итоге, сотник Белоярцев с полусотней казаков 1-го Астр. к. п., оцепивший 15-го декабря ст. Ветлянинскую, доносил Наказному Атаману ген. Фоссу — «докторов в станице нет; положение жителей ужасное», ибо старший войсковой врач Делпнер, после смерти остального медицинского персонала, бросил станицу и бежал в Астрахань.

Срочным образом в ст. Ветлянинскую был командирован врач 3-го округа М. Морозов, который, прибыв 18-го декабря в станицу, доносил Наказному Атаману, что казаки болеют пневмонией. Подобное решение было вынесено и доктором Григорьевым, прибывшим из Царицына. К этому времени, прибыв к ст. Ветлянинской, но в станицу побоялся ехать — Астраханский губернский врачебный инспектор Цвингман, который из расспросов докторов Морозова и Григорьева, наконец, первый установил, что в ст. Ветлянинской — **чума**.

В дальнейшем, болезнь оказалась занесенной в ближайшее к станице села Пришибинское. Удачное и Золотуху, где начали умирать крестьяне. Астраханский губернатор забил тревогу и распорядился вызвать пехотные части для учреждения карантина во всей местности, но Наказный Атаман препятствовал этому, считая таковую меру «не оправдываемой обстоятельствами», ибо считал, что в ст. Ветлянинской отнюдь

не чума, а пятнистый тиф, о каковом он и доносил в Петербург. Между тем, в ст. Ветлянинской заболел и умер доктор Морозов.

25 декабря Астраханский губернатор Бинен, облеченный чрезвычайными полномочиями, установил карантин, разобшив пораженный чумной эпидемией район от сообщения с близлежащими местами. К 26-му декабря в ст. Ветлянинскую прибыл ряд докторов, фельдшеров и санитаров, командированных для борьбы с чумной эпидемией.

Иностранные делегации, прибывшие в район ст. Ветлянинской, доносили своим правительствам, что налицо имеет место эпидемия «Левантийской чумы». В связи с этим, соседние иностранные державы готовились закрыть для русских товаров свои границы...

Встревожилось, наконец, и русское правительство, были посланы кавалерийские полки и пехотные части в Астраханский Край, ген. ад. граф Лорис-Меликов был назначен временным Самарским, Саратовским и Астраханским губернатором с исключительными полномочиями для предупреждения дальнейшего распространения чумы. Все это вышло, однако, с некоторым запозданием, ибо 14-го января 1879 года чумная эпидемия уже прекратилась, унеся в могилу 367 человек!!!

Представителям русской центральной власти, прибывшим на места, пришлось лишь сжечь казачьи дома, уничтожить станичное кладбище, казачье имущество, одежду... и объявить 10 апреля 1879 года Астраханский Край благополучным и прекратить действие карантина.

Чумная эпидемия в ст. Ветлянинской кончилась. Многие лица из высшей администрации получили награды, например — Наказный Атаман ген. Фосс, ни разу не посетивший ст. Ветлянинской и считавший, что болезнь пройдет «по милости Божьей», получил орден Владимира 3-й степени, а адъютант графа Лориса-Меликова — граф Орлов-Ленисов с «Высочайшего» соизволения, даже сделался Астраханским казачком.

Истинный же герой, станичный атаман Г. М. Поляков, руководивший борьбой с чумной эпидемией в ст. Ветлянинской, и чудом оставшийся в живых, лишь спустя четыре года... по случаю коронации Александра III, получил чин коллежского регистратора... в отставке...

Казачья эмиграция

В. К. во Франции

ПАМЯТИ А. И. КУЛАБУХОВА

17 ноября Парижская ВК имени А. И. Кулабухова станица устроила заседание, посвященное памяти своего шефа.

Открывая заседание, станичный атаман **С. Н. Федосеев** говорит, что оно, заседание, посвящено сегодня памяти А. И. Кулабухова. Его трагическая судьба, как и судьба многих казаков, павших на поле брани за свою казачью Отчизну, тесно связана с трагедией всего Казачества в настоящую историческую эпоху... Казачье настоящее напоминает казачье прошлое. И наша задача — хорошо разобраться в этом прошлом... Сейчас же, говорит атаман, почтим светлую память Алексея Ивановича и всех тех казачьих патриотов, кто жизнь свою отдал за волю и долю Казачества... (Все встают).

После этого Походный Атаман произносит слово, посвященное памяти А. И. Кулабухова, подчеркивая особенно те поучения, какие казаки могут извлечь из «ноябрьских дней» на Кубани. (См. выше статью «Некоторые поучения из «ноябрьских» дней»).

Станичник **И. А. Скобелин** вспоминает много случаев из истории Казачества, когда Москва, обезглавливая казачьи движения захватом вожakov, на второй

день еще сильнее прибирала к рукам Казачьи Земли. За каждой казнью, за каждой гибелью казачьего патриота следовал разгром и урезка казачьей самостоятельности. Нало же, в конце концов, положить этому предел, нало повернуть процесс в обратную сторону.

Станичный атаман благодатит собравшихся за то, что они пришли почтить память казачьих мучеников.

Перед тем, как закрыть заседание, атаман предупреждает присутствующих, что в скором времени станица устроит открытое собрание на котором П. Атаман сделает доклад о казачьей внешней политике в прошлом и о задачах ее в настоящем. — О времени и месте будет объявлено особо.

После закрытия заселения, состоялся еще станичный сбор, на котором был решен ряд текущих вопросов.

ТУЛУЗА

Встреча Походного Атамана ВК 9 ноября

Еще до прихода поезда Париж-Тулуза, на вокзале собралось станичное правление Тулузской ВК имени А. Кулабухова станицы. Стрелка часов показывает 8 утра. Подходит поезд. Помощник ст. атамана вахм. **Шерстюк** радостно восклицает: «Дивіться, це він, я

его зроду не бачив, а вже знаю, що це він».

Среди толпы, слезавшей с экспресса, уверенной походкой шел нам навстречу наш П. Атаман.

После коротких приветствий, ст. правление предложило П. Атаману отдохнуть, доложив, что ст. сбор назначен в 8 час. вечера, ввиду будничного дня.

День ушел на отдых и на осмотр города.

Без четверти 8 вечера к П. Атаману посылается член правления доложить, что станица в сборе.

С прибытием П. Атамана все замерли и только доклад ст. атамана под'ес. Шепеля, встречавшего П. Атамана с хлебом солью, — нарушил тишину. П. Атаман благодарит за хлеб-соль, после чего он приглашается в зал, где станичниками устроен в честь его банкет. Зал украшен гербом и флагом Казакии, а также и флагами всех казачьих Войск.

Перед началом трапезы были исполнены казачьи гимны и гимн Украины, т. к. среди нас были и украинцы.

Началась беседа. Со всех концов сыпались всевозможные вопросы, на которые П. Атаман давал исчерпывающие ответы.

Все присутствующие с напряженным вниманием выслушивали своего избранника, как бы желая запомнить каждое произнесенное им слово.

Много было сказано тостов, приветственных речей и все они сводились к одному: за Казакию, за первого П. Атамана ВК, за окружных атаманов и весь Казачий Народ.

Повеселили станичники своего П. Атамана и дружными казачьими песнями и лихими танцами.

После банкета, П. Атаман приглашается в одно из лучших кафе, где шеф оркестра, кавказец Жускаев

с своими кавказцами, при нашем приходе исполняет несколько кавказских вещей.

Уже полночь, но станичники просят П. Атамана посмотреть и залу, где станицей устраиваются семейно-танцевальные вечера каждую субботу. Побывали и там. Здесь веселились особенно дамы казачки, закружившиеся в танцах. Не обошлось и без лезгинки.

Никому не хотелось расстаться с своим избранником, но позднее время и предстоящая рано утром поездка заставляют Атамана расстаться с присутствующими.

Он благодарит всех за оказанный ему прием и все присутствующие провожают Атамана до отеля, пожелав покойной ночи.

В воскресенье, рано утром, П. Атаман, в сопровождении ст. атамана под'ес. Шепеля и И. Т. Хрипушина, отбывают в гор. Ош, для встречи с казаками Ошской ВК станицы, откуда возвращается в тот же день вечером в Тулузу, чтобы в 11 час. ночи уехать в Париж.

В станичном помещении снова собрались казаки, чтобы проводить своего П. Атамана на вокзал. Без четверти одиннадцать П. Атаман, в сопровождении казаков и казачек, уходит на перон.

2-й звонок. П. Атаман жмет каждому руку и садится в вагон.

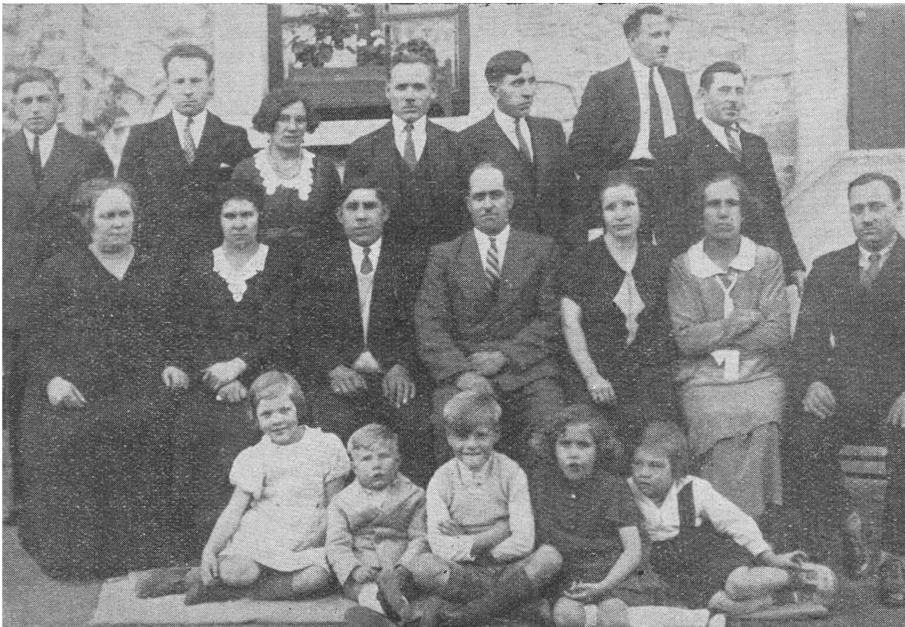
Видно, что казакам жаль расставаться со своим Атаманом.

3-й звонок и экспресс Барселона-Париж плавно трогается.

Долго еще смотрели казаки вслед удалявшемуся поезду, увозившему Атамана, желая благополучного его прибытия в Париж.

Слава Казачеству!

С. Шепель

ВК хутор имени Атамана Некрасова в Коломбеле в день праздника Покрова.
Сидят (слева направо): м-м Чернышкова, м-м Потапова, ст. Чернышков, ст. Лысенков, м-м Артемова, м-м Лысенкова, ст. Потапов. Стоят: ст. ст. Савченков, Мартынов, Мартынова, Артемов, Скобелев, Потапов 2-й, Башкатов.

ДЕНЬ ПОКРОВА В КОЛОМБЕЛЕ.

В воскресенье, 13 октября, в канун исторического всеказачьего праздника — Покрова Пресвятыя Богородицы, вольно казачий хутор имени атамана И. Некрасова в Коломбеле отслужил благодарственный молебен Небесной Покровительнице.

После церковной службы вольные казаки собрались на семейный обед, перед началом которого хуторской атаман И. В. Чернышков в кратких словах

объяснил присутствовавшим значение праздника Покрова для Казачества, а также и то, почему Вольное Казачество возродило этот праздник, как праздник всего Казачества.

После слова атамана, приступая к обеду, первый бокал был поднят за Походного Атамана И. А. Билого и все Вольное Казачество.

Ведя разговоры о своей оккупированной врагами родине, вспомнили и тех, кто стонет под игом насильников. Вспомнили родных и близких, оставшихся там,

на просторах родной степи, которые не могут со-браться так же свободно, как мы здесь. Выпили и за их здоровье, чтобы Всевышний помог им дожидаться того дня, когда мы вернемся в освобожденную Казакию и встретимся с ними, милыми и дорогими.

Вспоминая прошлое, затянули старинную казачью песню: «Как на речке, братцы, было на Камышенке». После этой песни станичник Г. Е. Потапов говорит: станичники, вы знаете, что такое наши казачьи песни и что они значат? В наших песнях сказано все, в них сказана наша казачья жизнь и мы, вольные казаки, должны их хранить, как зеницу ока. Почему? да потому, что наши казачьи песни родились из казачьего быта; в них есть — и радость, и горе, переживавшиеся нашими дедами и прадедами. У нас, казаков, нет ни одной песни фальшивой, вымышленной, а все бытовые и жизненные.

Так в тесном кругу скромно провели мы свой праздник. Расходясь по домам, прокричали дружное ура Походному Атаману, окружным атаманам и всему Вольному Казачеству.

Да здравствует Походный Атаман! Да здравствует Вольное Казачество! Да здравствует наша родина Казакия!

Слава Казачеству!

К. Лысенков.

В. К. в Германии

ПОХОДНЫЙ АТАМАНЪ В ГАННОВЕРЕ

Казаки Ганновской в. к. станицы были очень обрадованы, когда станичный атаман объявил им, что получил извещение о приезде в Ганновер Походного Атамана. Всем хотелось видеть того, кто много лет неустанно ведет борьбу за казачью Волю, за казачью независимость.

Оповестить всех казаков все же не удалось, т. к. времени было мало. Сообщили всем, кому было можно, кто жил поближе. С'ехалось 12 человек. Походный Атаман был встречен на вокзале и казаки хотели, чтобы он прямо с вокзала шел бы в станичное правление и беседовал с казаками. Однако, усталый с дороги, Атаман просит дать ему отдохнуть хотя бы полчаса.

Проводив Атамана в ближайший отель, казаки отправились в станичное правление, куда через полчаса, в сопровождении станичного атамана, прибыл Походный Атаман и, поздоровавшись со всеми, приступил к беседе. Много интересного сказал он нам, казакам. На все вопросы, которые были заданы казаками Походному Атаману, были получены от него исчерпывающие разъяснения. Заданы были вопросы и об оппозиции. Атаман подробно объяснил казакам как создавалась оппозиция, а так же и то, из кого она состоит. Теперь нам ясно, что из себя представляет оппозиция, как ясно и то, что не казачье дело она делает, работая во вред ВК движению.

Закончили мы свое собрание песнями и танцами. В последних свое искусство показали особенно станичники Лозин и Людека.

По окончании официального собрания часть казаков уехала, а остальные пригласили Походного Атамана в кафе, где как раз играл Кубанский струнный оркестр. Беседа продолжалась и здесь. Время летело незаметно и было уже за полночь когда казаки расстались с Походным Атаманом. Расходиться никому не хотелось, хотя многих утром ждала тяжелая работа, а Походному Атаману утром нужно было уезжать дальше.

Утром проводить Походного Атамана пришел станичный атаман Лосев. Опять беседа, опять вопросы, пожелания и... пропустили поезд. Пришлось ехать следующим.

Походный Атаман, уезжая, обещал еще раз посетить нашу станицу...

(Соб. кор.)

В. К. в Югославии

В БЕЛГРАДЕ.

День Покрова Пресвятыя Богородицы, старинный праздник всего Казачества, Белградские в. казаки и казачки, отметили совместным скромным торжеством.

Вольные казаки праздновали свой окружный праздник, в. к. станица имени М. Ф. Фролова — и свой станичный.

К этому дню, по мысли и инициативе атамана станицы Н. Дмитренко, была сооружена станичная икона — Покров Пресвятыя Богородицы. Сооружением иконы в. казаки хотели восстановить память об образе, бывшем в Запорожской сичевой церкви, на которой была изображена Богоматерь, а внизу молящееся все славное Войско Запорожское.

В 9 часов вечера, в прекрасно декорированном зале, с накрытыми столами, станичный атаман Н. Дмитренко, открывая торжество, обратился к присутствующим гостям и станичникам со следующей речью:

Станичники, станичники и дорогие гости!

Наша станица и весь Югославянский ВК Округ. празднуют сегодня день Покрова Пресвятыя Богородицы, праздник Запорожского и Донского, храмовой Черноморского и Линейного Войска.

Приказом русского царя, этот вековой, установленный казачьей стариной, наш казачий праздник был упразднен и заменен днем рождения или тезоименитства русского наследника престола, который и теперь некоторые казаки, по своему незнанию или недомыслию, а некоторые и сознательно считают войсковым праздником. Стремясь к воссозданию свободного, самостоятельного Казачества, мы, прежде всего, должны вернуться к своим старым обычаям, традициям, и первое — мы должны вернуться к своему старому казачьему празднику — празднику Покрова. Этот день считался казаками своим войсковым праздником потому, что он тесно связан с жизнью и историей Казачества, о чем говорят нам и древне казачьи предания.

В 1380 г. идя в бой с татарами Донские казаки имели на знамени чудотворную икону Богоматери. В день Покрова Донские казаки брали г. Казань. В канун Покрова Донские казаки героически защищали Азов, молились Пресвятой Богородице, и победили. «За дом Пресвятыя Богородицы» звал Атаман Булавин в 1707 году казаков отстаивать Дон от надвигающихся поработителей. К 17 веку религиозная традиция Донского Войска уже была связана с праздником Св. Покрова. Эта традиция особенно укрепилась после взятия в 1647 году небольшим отрядом донцов и запорожцев турецкой крепости Азова и героической защиты ее донцами в 1641 году.

Готовясь к последней битве с турками в канун Покрова, молились донцы Св. Богородице. С того времени канун Покрова стал общепризнанным праздником всего Войска. Каждый год в этот день на Мононастырском учорище, между Азовом и Черкасском, на месте гибели защитников Азова, собирался Круг вольных донцов и совершалась торжественная панихида. В 1866 году на этом месте построили донцы часовню.

Запорожская история, писанная в Сечи, относит образование Войска к десятому веку. По записям старого Афона уже в то время казаки на берегах Азовского и Черного моря были христианами. Свой первый храм в Сичи посвятили Запорожцы Покрову Пресвятыя Богородицы. Особо почитаемой святыней в Сичевом храме была — запрестольная икона Покрова Пресвятыя Богородицы. На иконе была изображена Богоматерь с омофором, а внизу коленоприклоненные, молящиеся чубатые запорожцы.

Говорят, что эта традиция, почитание Богоматери, занесена в Запорожье еще в дотатарский период греческими монахами. Этот день стал не только церковным, но и национальным праздником Запорожья. Молились они о спасении, просили послать запорожцам згоду — від московської неволі втікати»...

Вот эти обычаи и традиции на протяжении ве-

Белградская ВК имени М. Ф. Фролова станица в день праздника Покрова.

ков соединяли все Казачество под Покровом Пресвятой Богородицы. От наших предков этот обычай сохранился и до наших дней. Пожалуй, не было на Дону, на Кубани (да и в других Войсках) станицы, где бы не праздновался этот праздник с особым торжеством. Лихие времена не вырвали почитания этого святого обычая из казачьих душ.

Югославянский Округ, и в числе его наша станица, празднуя сегодня день Покрова, восстанавливают вековую казачью традицию, свой всеказачий славный праздник. Приступив к сооружению иконы Покрова Пресвятыя Богородицы, наша станица эти восстанавливает хотя приблизительную копию запрестольного образа Запорожской сичевой церкви.

Да поможет же нам в этом Господь Бог и Пресвятая Владычица Богородица. Покровительница и Защитница всего Казачества.

Помолимся и мы в этот день перед казачьей иконой, «щоб послала нам Богоматерь згуду» від московскої неволі втіати...

Все присутствовавшие обратились к иконе и пропели «Отче Наш», а затем, повернувшись к вольно-казачьим знаменам, исполнили гимны.

Пригласив присутствующих к столу отведавать хлеба-соли, Н. Дмитренко предложил первый тост:

Первую чашу предлагаю выпить за Казачество, страждущее там, в родных Краях, за Вольное Казачество, борющееся за его свободу, за Первого Походного Атамана инж. И. А. Билого!

Слова атамана были покрыты громкими криками: Слава! Слава! Слава!

Второй тост был поднят станичным атаманом за присутствующего окружного атамана, за весь Югославянский Округ.

От имени студенческой станицы присутствующих приветствовал атаман станицы **П. М. Мерзликин**, пожелав фроловцам стать преемниками первой в. к. организации в Югославии — студенческой станицы.

Окружной атаман поздравил всех с праздником и предложил тост за атаманов белградских организаций — Н. М. Дмитренко и П. М. Мерзликина.

От имени Новосадской в.к. станицы белградцев приветствовал присутствующий атаман **П. И. Недбаевский**.

Н. Дмитренко были оглашены приветствия, полученные от в.к. организаций из провинции, после чего в непринужденной беседе П. И. Недбаевский и И. М. Назаров поделились с в. казаками своими воспоминаниями о встречах с националистами других народов, так же боровшихся за свою свободу.

И. М. Назаров, отмечая роль студенческой молодежи и ее заслуги по созданию Югославянского ВК. ок-

руга, закончил речь стихотворением, посвященным в.к. станице имени М. Ф. Фролова:

На Покров Святыя
Матери Господней.
В наш старинный, славный
Праздник Покрова,
Господи, услыши
За народ казачий
И моей молитвы
Скорбные слова.

.....
О любви и счастья
Личного значенья
Не молюсь давно я,
Пережив свой род.
О степях молитва,
О стране плененной,
О родном нроде...
Господи! народ
Мой разбит и брошен
В плен, тоску и горе;
Скрыла степи наши
Беспросветна ночь;
Гибнет в них героизм,
Слава боевая,

.....
Гибнет вековая
Дедовская мочь.
На тебя лишь, Боже,
На твою защиту,
На Твою лишь правду
Уповаю я,
Веря, что из мрака,
Гибели и гнета
Вновь возстанет в силе
Родина моя...
Не из слез возстанет,
Не из больной — боли,
Не из мук смиренья
В тишине молитв,
Но из грозной воли,
В дерзости мятежной.
Из грозы в разгаре
Богатырских битв.

.....
О борьбе молюсь я...
— В лете бранной бури
Мой народ родимый
Дрогнет-ли пред кем?!
В рыцарском завете
Выковав решение:
«Жить, так жить на Воле,

Погибать — так всем!!»

.....
В том мои терзания,
В том моя молитва,
В том моей надежды
Лучезарный путь.
— Если-ж ночь без края,
Плен в моей отчизне
И народ без Воли —
Разорви мне грудь!

Ответил Назарову и Недбаевскому помощник окружного атамана **Н. Ф. Букин**, пожелавший, чтобы у нас было побольше таких отцов...

Под звуки бандуры казачьего певца **А. П. Черно-го** и песни казаки вспомнили свои Края и казачью старину. Чувствовалось, что казачья надежда не угасла, что воскреснет Казачество в своем величии и залогом тому служит существование крепко спаянных старыми традициями в.к. организаций.

(Соб. кор.).

В ПАНЧЕВО.

Панчевский в.к. имени К. Л. Бардижа хутор в дружной семье свободных от работы своих хуторян отпраздновал в этом году Покров Пресвятыя Богородицы. На празднество хуторян были приглашены Окружный атаман **П. С. Поляков** и его помощник **Н. Ф. Букин**.

Атаман хутора **Р. П. Евсюков** у себя на квартире устроил гостям обед, после которого они отправились в ресторан, где в небольшой, но уютной, декорированной в национальном духе, комнате, хуторяне ожидали гостей.

— Слава Казачеству! — приветствовал Окр. атаман.

— Воля и Слава Казачеству! — последовало в ответ.

Во время скромной трапезы атаман хутора приветствовал казаков с праздником и вкратце подчеркнул его значение.

Помощник Окр. атамана познакомил казаков с главными этапами в истории Казачества, когда ка-

заки, упорно преследуя намеченную ими задачу, веря и надеясь на покровительство Божьей Матери, выходили из всякого положения с победой. Даже в таком случае, как Булавинское восстание, когда казаки потерпели физическое поражение, духовно они остались победителями: «...За Дом Пресвятыя Богородицы... За Казачество... За Волю...» оставили неизгладимый след в освободительной борьбе Казачества и по сию пору служат благословенным началом для нас в разрешении нынешней тяжелой задачи...

«...Жив Булавин в сердцах казаков!.. И ныне, воскрешая в памяти своей страницы прежних освободительных национальных восстаний, — страницы, на которых изнуренными в борьбе тенями встают светлые образы лучших сынов Казачества, отдавших жизнь свою за его национальное возрождение, мы, возрождая старинный казачий праздник, упорно идя к намеченной цели, будем молиться перед Покровом помочь нам отстоять Дом Пресвятыя Богородицы, Казачество и Волю», — закончил свою речь **Н. Ф. Букин**.

Окружный атаман беседовал с казаками по интересующих их вопросам.

С приветственными речами выступали станичники **Зотов** и **Махно**. Было провозглашено несколько тостов за здоровье Походного Атамана и успех Вольного Казачества.

По обыкновению, празднество было закончено пением родных песен.

В 8 часов веч. гости выехали в Белград.

(Соб. кор.).

Р О З Ы С К

Прошу откликнуться казаков и казачек станицы Филоновской по адресу:

M-eur Diakoff, 5 rue de Lagudie, Tamaris, par Ales (Gard), France.

Розыскиваю двоюродного брата Ивана Калиновича **Сметанкина**, станицы Чернышевской, и Михаила Васильевича **Попова**. Отвечать по адресу:

D-lui Iuda Smetanchin. Str. Lascari-Katargiu 12, Galati, Roumanie.

Панчевский ВК имени К. Л. Бардижа хутор с Окружным атаманом и его помощником в день Покрова.

Несколько цитат без комментариев

1. «Фашистские рыцари топора и виселицы пытаются сплотить все силы империализма для нападения на Советский Союз. Тучи войны сгущаются над всем миром, над всем человечеством... (Из передовой московской «Правды» от 22 октября).

2. Из речи Э. Эррио (3 ноября в Лионе): «Я друг советского народа и его правителей... Теперь мы находимся перед лицом народной демократической власти... (в СССР. Ред.)... Я никогда не соглашусь, предоставить мощь республики в распоряжение тех, кто хочет угнетать свободу». («Возр.» 5 ноября).

Пьер Кот (б. фр. министр) сказал там же: «Невозможно победить страну, имеющую СССР своим союзником...» («Возр.» 5 ноября).

3. Заявление Геринга: «Мы не хотим воевать с французским народом» («Возр.» 3 ноября). — «Пусть французы выбросят из головы нелепую мысль, будто мы ждем дня, когда можно будет напасть на Францию...» («П. Н.» 4 ноября).

4. Парижский корреспондент «Таймс» передает слух, согласно которому в Женеве делались попытки добиться соглашения между Англией, Францией и Германией... Есть основания полагать, что Германия пойдет на соглашение лишь в том случае, если Франция откажется ратифицировать пакт с СССР... (т. е. откажется от союза с СССР. Ред.)... («П. Н.» 5 ноября).

5. «Нынешний кризис показался для Германии удобным поводом для новой попытки сближения с Францией. Искренни ли немцы? Повидимому, они сейчас гораздо более заняты «тягой на восток», нежели трудным реваншем на западе. И вот советы, которые понимают опасность, стремятся обратить против Франции германскую угрозу. Чтобы избежать войны с Гитлером, они видят лишь одно средство: франко-германскую войну... (Парижская газета «Ом либр» 4 ноября).

6. «Как бы Рейх (Германия) ни желал сейчас сговориться со своим зарейнским соседом (Францией) — германская дипломатия подчеркивает, что подобный сговор может состояться только при одном условии: если Франция коренным образом изменит свою политику по отношению к советской России... (Парижский «Пти Журналь», 5 ноября).

7. Все знают, что отношения между Польшей и сов. Россией весьма натянуты. Обе страны — члены Лиги. Возможно, что в будущем году они будут между собою воевать. Вступят ли тогда в силу «принципы Лиги»? Объявит ли английское правительство мобилизацию, чтобы воевать за Москву или Варшаву? Покинет ли английская армия свою землю, чтобы идти в Польшу или Россию? Будет ли в будущем году английский флаг развеваться в Балтийском море так же, как сейчас в Средиземном?» («Дейли Мейль», 5 ноября).

8. ...«От Японии до Германии, от Англии до России, от Африки до Индии свет волнуется. Советская пропаганда удвоилась. В самой Франции коммунистическая партия, управляемая из Москвы, толкает нацию на войну с Италией. В том же смысле, как эта чужая партия, действуют и другие партии, чисто французские, под влиянием английского примера. Нужно, однако, признать: французы не думают более, что Англия работает против Италии из-за Эфиопии. Но, оставим Англию. Почему советская Россия вмешивается, почему она толкает Францию на войну с Италией? Неужели ее так интересует судьба негуса? Нет

сомнения в том, что ее акция направлена против недавнего франко-итальянского соглашения. Советы имеют основания ненавидеть фашизм. Англия может иметь мотивы, побуждающие ее к ослаблению Италии. Но это не интересует Францию. Франция подписала соглашение с СССР. И вот теперь СССР натягивает все силы, чтобы вовлечь ее в революцию и в войну... («Матэн» 15 ноября).

9. «Неправильно думать, будто Германия не склонна к переговорам с Францией. Но, после опыта прежних лет, Германия не видит, чтобы во Франции действительно переменялись настроения, пока сговор с Германией будет обуславливаться признанием ею злощастной системы коллективной безопасности. И все же, с германской точки зрения, франко-германский сговор не кажется неразрешимой проблемой» («Политише унд дипломат. корреспонд.» 13 ноября).

10. ...«Толки о франко-германском сближении внушают беспокойство в Москве... («П. Н.» 14 ноября).

11. В одной парижской газете помещено сообщение из Берлина, будто французское правительство намерено предложить немцам заключить на пятилетний срок «восточное Локарно», касающееся преимущественно СССР. В кругах, сочувствующих этому плану, высказывают мнение, что канцлер Гитлер, под давлением некоторых элементов рейхсвера, может переменить свою антисоветскую политику...

12. ...«Во французской печати и в корреспонденциях английских газет из Парижа начинают все чаще попадаться слухи о сенсации, будто бы готовящейся в Берлине. Руководители рейхсвера, утверждая «осведомленные лица», советуют Хитлеру преодолеть свое отвращение к коммунизму и возобновить с советами рапальское соглашение... В подтверждение слухов приводится и следующее соображение: Германия не может вечно оставаться изолированной; если Франция не примет протянутой ей германской руки, то рука протянется в сторону советов». («Возр.» 18 ноября).

— Может быть это и так, позволим себе высказать в данном случае свое соображение. Но может быть и не так. Весьма возможно, что слухи о сенсациях из Берлина вараются в советской кухне и преследуют двоякую цель: «надавить» на французское правительство и ускорить ратификацию франко-советского договора (как известно, французский премьер не особенно спешит с этим), а одновременно позондировать почву и в Берлине на случай, если бы французы «остыли» и франко-сов. договора не ратифицировали вовсе.

13. «Польша и Малая Антанта были между собой в отличных отношениях, пока в большую европейскую политику не вторглись советы. Когда же советы предъявили притязание на гегемонию в Восточной Европе, поляки этого не стерпели и заключили пакт с Германией. Операция казалась для них довольно выгодной. Советы ответили попыткой сфабриковать восточный пакт. Первым результатом была остановка итальянской работы по организации средней Европы. Второй проявился, когда был подписан пакт между Москвой и Прагой: немецкий элемент в Чехословакии поднял голову. И, наконец, приняв серьезную форму спор между Польшей и Чехословакией. Дело дошло уже до угроз разрывом...

(«Журналь», 6 ноября).

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)